

Дмитрий Володихин

Полдень сегодняшней ночи

«Автор»

1999-2000

Володихин Д. М.

Полдень сегодняшней ночи / Д. М. Володихин — «Автор»,
1999-2000

© Володихин Д. М., 1999-2000

© Автор, 1999-2000

Содержание

Часть 1	5
«Ах, как хочется приключений!»	5
Здравствуй, госпожа преисподняя!	10
Госпожа преисподняя-2	13
Маньяк—маньяк, с печки бряк!	19
«Милая моя, солнышко лесное...»	23
Осторожно, двери открываются	27
Визит ужаса	32
Маньяк—маньяк-2	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Моему коту посвящается. Он был первым и очень внимательным читателем этого романа...

Все события, упомянутые в романе, действительно имели место. Все совпадения неслучайны. Все действующие лица – реальные люди. Или не люди, но не менее реальные.

Часть 1

Нападение

«Ах, как хочется приключений!»

10 июня, вечер

– Ту-цал, ки-хут, мах-ша... – бедный идиот предполагал в этих словах нечто мистическое, таинственное... На самом деле по-этрусски они означали «раз-два, три-четыре, пять-шесть». Но этрусский язык – родной для знаменитого когда-то летучего демона Мелькарта-младшего – к двадцатому столетию в Срединном мире совершенно вышел из обращения. Никто не понимал его, в том числе и бедный идиот.

Мезенцев слухом не слыхивал о Мелькарте-младшем. Надо полагать, он не отличил бы Мелькарта-младшего от Мелькарта-старшего, Афины Паллады и Люцифера, встретить он всех четверых лицом к лицу где-нибудь на улице. Впрочем, вряд ли подобная встреча могла состояться в его время: Люцифер принципиально не выходил за пределы Воздушного королевства после заключения Конкордата. Дождался последних сроков. Мелькарт-младший распылил собственную душу в результате сложного магического эксперимента в 1011 г. в Северной Африке. Спасателям досталось лишь его тело, превратившееся ко времени их прибытия в человекообразный пчелиный улей. Мелькарт-старший, настоящий бог, хотя и юной формации, вот уже более двух тысяч лет пребывал в коме. Ушел по собственной воле: «Разбудите, о верные, – сказал он, – когда мир перестанет быть столь отвратительным». Люцифер, на правах старшего, велел не будить до Второго Пришествия. Афины же перевербовали Творцовы инстанции, нынче ей с такой компанией – не по пути! Последний раз они встретились в Сагунте Иберийском, проверяя слухи о чарующих свойствах местного вина, сильно, как оказалось, преувеличенных... Мезенцев, жалкий студент философского факультета МГУ, некогда въехавший в Москву со стороны Уральских гор, на четвертом курсе самостоятельно додумался до того, что потусторонние силы, видимо, существуют. Но эта светлая мысль, даже вкуче с н/высшим образованием не давала ему ни малейшего шанса отличить, скажем, гнома от мелкого беса, не говоря уже о более высокоорганизованных существах...

Несчастному придурку предстояло сыграть роковую роль в судьбах Москвы и Подмосковья, стать причиной славной борьбы и страшной гибели множества магических существ и светлых витязей, а также принять участие в необыкновенном футбольном матче. Последнее, то есть неотвратимая угроза попрактиковаться в сверхъестественном футболе, было написано на мезенцевском лбу сверкающим неоном – для понимающих людей, разумеется... Впрочем, даже самый безобидный херувим предсказал бы это, всего пару минут понаблюдав за неуклюжим ползанием по полу адепта третьей степени посвящения. Адепт последовательно зажег восемь свечек, расставленных особым образом по периметру многолучевой звезды. Ничуть не боясь испачкать кровью паркет, Мезенцев положил позади себя отрубленную голову черного петуха. Чего стоило адепту поймать мерзкого самца, как он носился по квартире, как клевался!

Передернувшись от брезгливости, студент зажал в кулаке живого кузнечика с оторванными лапками. Сел в позу лотоса и принялся читать...

Впервые он поверил в магическую силу полгода назад, после того как Ирма Нагиева сделала ему семь оргазмов за ночь. А потом научила соответствующим заклинаниям, чтоб и сам мог, в случае чего... Потребовалась недлинная цепь умственных усилий и практических действий, после которых Мезенцев оказался на семинаре Тодай-мэнцзу, где настоящие серьезные люди изучали неформальную биоэнергетику. Собственно, у них были разные направления... Ну, например, сексуальная энергия, на которой специализировалась Ирма. Или, скажем, целительство. Но он, пребывая за шаг до профессиональных занятий философией, знал, что из всего выбирать следует главное, самую суть. И поэтому пошел в группу мистического общения.

...Две книги лежали перед Мезенцевым в драгоценном футляре из горного хрусталя – очень старая и очень молодая. Старая, рукописная, на листах с размытыми филигранями, источающая запах тления, в переплете из черной потрескавшейся кожи, натянутой на дощечки, с потемневшей от времени серебряной блямбой, на которой некто отчеканил девять полумесечев и графические символы чакр, испещрена была знаками, принадлежавшими к совершенно разным алфавитам, возникшим в совершенно разные времена. Кабы знал адепт среднеэльфийские руны, прочитал бы он первое слово на первой странице: «waeddfa». Так именовалась в среднеэльфийскую эпоху некая пленительная часть тела у существ, принадлежащих к женскому полу. Слово повторялось десять тысяч раз на всех мыслимых и немыслимых языках... Страница 84 подарила бы Мезенцеву ни с чем не сравнимую радость узнавания: то же самое, но по-русски. В целом рукопись производила солидное впечатление: подлинный чернокнижный антиквариат. На самом деле ее изготовили три месяца назад в провинции Техно Воздушного королевства и присвоили серийный номер АГ-000138к-К. Книга не содержала никакой магической силы, за исключением микропередатчика в серебряной блямбе. Передатчик предназначался для связи с территорией Воздушного королевства и его агентами в Срединном мире. Мезенцев, естественно, не имел об этом ни малейшего представления.

...Три месяца назад Левая рука архата Никита Коробов, именем новым Кали-Сун, ввел непосвященного в состояние медитативного транса. В первые мгновения адепт утратил способность видеть (перед глазами – абсолютная тьма), обонять, осязать... какова была радость, когда выяснилось, что хотя бы слышать – не разучился. Голослевой руки доносился из глубин виртуального пространства изрядно приправленный величественным эхом.

– Малый адепт... епт... епт... епт. Оставь прежнее имя... мя... мя... мя... Ныне посвящаемый, дарую тебе новое имя – Ту-Ки... туки... туки... туки... – потом эхо убралось, видимо Левая рука подкрутил нечто астральное, чтобы не мешало процессу. После приличествующей случаю паузы Кали-Сун принялся за урок:

– Путь к сверкающей истине труден. Каждый вправе выбирать, что ему по душе: истина и свобода или традиционный путь... а это значит – вечная тюрьма, где узник отгорожен от вселенной стенами из собственных иллюзий. Прежде всего следует осознать: весь видимый мир – ложь. Его не существует. Нет ни времени, ни пространства. Нет истории и географии. Нет ничего материального. То, что люди привыкли воспринимать как живое и неживое, но вполне материальное, суть сон сознания. Твоему сознанию с детства внушали: на стул можно сесть, воду можно пить, если прикоснуться к горячему чайнику, будет больно... Но это лишь нижняя ступень восприятия мира. Лишь обманчивые образы на полотне пустоты. Кто ты такой?

– Э-ээ... человек.

– Почему ты так думаешь?

– Я обладаю человеческим телом из плоти и крови, таким же, как у всех прочих людей... И человеческим разумом, – тут Мезенцев решил показатьлевой руке, что он тоже не лыком шит и понимает кой-какие моменты, – Конечно, сущность разума, трактуется по разному. В учении Канта, например...

Адепта прервали крайне непрезентабельным образом. Хотя способность к осязанию и была утрачена, однако Мезенцев неожиданно ощутил, как его... энергетически пнули. Довольно... хм... болезненно.

– Ты жалкое отвратительное ничтожество, мерзкий червяк ползающий в пыли чужой фальшивой мудрости. Ты не знаешь и не понимаешь ничего. Где твое человеческое тело? Ну, покажи мне его!

Ничего, кроме тьмы. Какое уж тут тело, показывать совершенно нечего. Нет ощущения рук-ног и всего прочего, несмотря на вполне чувствительное наличие территории для виртуальных пинков. Мезенцев несколько даже испугался. Молчал, естественно, как комар, крови насосавшись... Желание подискутировать совершенно пропало.

– А теперь объясни мне с помощью своего человеческого разума, как, чем, где я с тобой разговариваю?

Адепт хотел было ответить, что беседа ведется в медитативном трансе, но не решился, поскольку не сумел прийти к окончательному заключению: если он скажет «в медитативном трансе», – это будет ответ на вопрос «как?», на вопрос «когда?» или на вопрос «где?».

– Молчишь! – с нечеловеческим торжеством констатировал Левая рука.

«Ну да», – уныло подтвердил адепт, не зная, сказал он это или подумал, какой тут вообще механизм...

– Механизм простой, – захохотал Левая рука, – ты всего лишь фрагмент самосознающей энергии. Ты вечно, с начал времен существовал на уровне, где нет самосознания, но затем нечто включило тебя... Я не знаю, что это такое, еще не знаю... Случаи подобного рода происходят раз в десять тысяч лет, если не реже. Обретя самосознание, ты навывдумывал невесть что, пытаясь украсить, задрапировать абсолютную тьму. Место, где ты жил, живешь и будешь жить. Откуда никогда и никуда не уходил. Тебя никто не рождал, виртуальных существ, названных тобой «отец» и «мать», придумал ты сам, так же как и язык, в котором отыскиались эти слова. У тебя нет детства, юности и зрелости. Фантазия твоя довольно прихотлива: внушить себе, будто прожил период под названием год в некоем сообществе под названием «Седьмой Б» и получил ближе к концу периода гибкую плоскость под названием «Почетная грамота»... Мы не в медитативном трансе. Просто я снял со стен твоего сознания обои и ты вновь оказался в материнской утробе собственного я! Пойми, истина проста: тебе не внушали виртуальных представлений о здесь и сейчас, ты сам создал существ, и сам внушил себе все это их устами.

Начитанный Мезенцев в сущности был готов к подобному повороту событий. Вот хотя бы Беркли... Что-то он тоже такое писал, да. Но чертовски обидно, когда с таким трудом заработанную медаль в командных соревнованиях по шахматам почему-то назвали «Почетной грамотой». Впрочем, эта мелкая несообразность скоро померкла и потерялась в потоках новых лучистых истин.

– Прости, а вот скажем колдуны и ведьмы в средние века, они были другими фрагментами энергии, которые кое-что узнали об этом мире и могли на него влиять необычным образом, или они... хм... тоже плод моей фантазии?

– Все люди, мысли и предметы в твоей жизни – ты сам. Твой бред. Планета Земля и понятие «книга» – фикции твоего производства. Первый подлинный диалог в твоей вечности идет сейчас.

– Кто ты?

– Вот первый вопрос, из которого видно: ты способен к движению, к приключениям духа, страх перед абсолютной тьмой еще не подавил тебя окончательно. Хотя бы на ментальном плане. Я Лекарь. Я пришел излечить тебя. Ты болен самоизоляцией. К сожалению, лишь одно энергетическое существо из пяти способно выздороветь и выйти в подлинный мир. И почти никогда этого не случается без посторонней помощи. Я вынужден был войти в мир твоих фантазий и предстать перед тобой в образе человека. На самом деле, я то же, что и ты, – энер-

гия. Мне необходимо обратить тебя в воина. Путь воина лежит от самосознания к самопознанию. Самопознание – безупречное разрушение собственных иллюзий и возвращение во тьму. А оттуда начинается другой маршрут: Движение. То есть принятие мира, каков он есть на самом деле.

«Явственный Кастанеда», – рассудил умница-студент, но сей же час прикусил себе... хм... мозги? да, мозги, – и скромно осведомился:

– Значит, нечто существует за пределами темницы?

– Вселенная. Взгляни на нее...

За краткий миг адепт совершил путешествие по многослойному миру, где фрагменты живущих энергий создавали причудливые радужные миры; такие как он творили целые галактики, по которым адепт мог путешествовать... Сколь замысловаты и сколь жалки оказались эти творения! Считанные единицы умели выходить за их пределы, обретая способность перемещения и познания. Левая рука вновь бросил его во тьму.

А! Больно. Только что ты летал, теперь вновь неподвижен.

– Мы бессмертны?

– Да.

– Я готов встать на путь воина. Я хочу излечиться. Что мне делать?

– Ты решил возвысить себя. Хорошо. Это укрепляет мои надежды на добрый исход. Вместе со мной ты будешь путешествовать по слоям нашего мира-луковицы. Пока что только со мной. Но я научу тебя. Путь воина долг и требует огромной самоотдачи. Ты превратишься в глину для моих пальцев. Но я научу тебя...

Две недели болела несчастная мезенцевская голова после сеанса. Адепт четко усвоил: на его жалком уровне соприкосновение с истиной и свободой влечет за собой дичайшее похмелье.

...Книга помоложе, дешевая брошюрка на двадцать страниц, отпечатанная, как глаголющие выходные данные, в тульской типографии «Коммунар», на рыхлой серой бумаге, носила конспиративно-успокоительное название «Мантры на каждый день». Мезенцеву предстояло воспроизвести вслух четыре абзаца бессмысленных на непосвященный взгляд буквосочетаний, набранных привычной кириллицей. Кали-Сун сообщил ему тайный смысл двадцати восьми строк: если прочитать их, внутренне обращаясь к Старой Книге, при соблюдении определенного ритуала, исключительно в пятницу 10 июня, с полудня и до полуночи, то из астрального плана появится сгусток тонкой энергии. Разумеется, прежде необходимо очиститься постом, воздержанием и специальными пассажами... Коли все сделать правильно, сгусток подарит физическому телу адепта невидимость. Легчайшим усилием воли Мезенцев сможет переключать видимое состояние на невидимое. И это первый шаг к истине и свободе! Поначалу, как он понял, следует стать невидимым для собственной вселенной, затем и она утратит навязчивую материальность. Только не следует ошибаться – даже в мелочах. И уж тем более не стоит экспериментировать с книгами, терять их и так далее. Иначе «не сносить головы» окажется легким выходом; не исключено, что придется носить две головы... или четыре... или целый их выводок, как букет опят, растущих из одной точки на старом пеньке... или еще что-нибудь запреледно неприятное, но с головами не связанное. И, конечно, путь воина закроется навсегда.

...Молодую книгу изготовили в один день со старой, там же, в провинции Техно Воздушного королевства, присвоив серийный номер ГА-006767-бб-К. Славянские буквы передавали фрагмент магрибской поваренной книги XII столетия. Все двадцать страниц. Кроме одной фразы. «Я хочу, чтобы здесь появились четыре пехотные роты Воздушного королевства», – на одном из языков, официально принятых для общения между иерархией Главного оппонента и Творцовыми инстанциями. Эта фраза располагалась точно в середине отмеченного Кали-Суном фрагмента.

Если бы он «все сделал правильно», четыре роты непременно посетили бы Срединный мир. Но этот бедный идиот ошибся. Непоправимо. Глупо. Безнадежно. Споткнулся на ровном

месте. Простейший цифровой набор «ту-цал, ки-хут, мах-ша» настраивал приемник на голос Мезенцева и одновременно устанавливал связь между ним и строго определенными объектами в пределах Воздушного королевства. Только прочитать его надо было ДВА РАЗА. Два, а не один...

Здравствуй, госпожа преисподняя!

10 июня, вечный вечер

– Официальная доктрина Воздушного королевства – разрушение. Уже восемь с половиной тысяч лет, слава Бесу, как ее установили на веки вечные, то есть вплоть до Последнего Срока. Но тем, кто исправно служит Главному Оппоненту, обеспечивается всемерный комфорт. В зависимости от занимаемой должности. Как положено. Противоречие видишь ты? Комфорт, то есть, и разрушение тут же? О, это чисто техническая проблема. Конечно, в горячих провинциях, где малоквалифицированные специалисты работают с душами, нет необходимости особенно заботиться об удобствах. Минимум удобств. Только для личного состава, а там, как ты понимаешь, сплошь низшие чины...

– Но должен же кто-то ими командовать. Живо распустятся, потр-роха волчьи!

– О! Как ты экзотично... Ты бывал когда-нибудь в провинции Упырья Сауна? Нет? Представь себе: тысяча квадратных лье... ах! ты из русских... Лье это четыре с половиной версты. И версту не знаешь? Из свеженьких? Это вроде километра... Так вот, тысяча лье голого как стол поля, а из грунта по множеству труб туда подается раскаленный пар. Постоянно. Старая провинция, учреждена еще при Саргоне Древнем, все, разумеется, переполнено, расширяться не успевают, души как огурцы в банке... Управление дистанционное. На каждое «поле аэрации» достаточно взвода обслуживающего персонала, один офицер в чине прапорщика. Раз в месяц – смена. Так что с материальным обеспечением особых проблем нет. Офицерский клуб, кстати, очень приличный. Имеешь шанс раздобыть самочку какого-нибудь необычного существа, порой это бывает интересно... для разнообразия. Что? Да, там есть такая, с сегментированным телом... Советую.

– Э! Начальник, я не всосал, какого ляда они такие приморенные. Они же души. У них же тела нет. Что болит-то?

– Друг мой, терпеть не могу этот твой жаргон. Бросай дурные привычки. Изящество в наших краях ценится выше тупой свирепости, поверь мне. Что же касается душ, то... Тебе, скажем, после экспертизы на пропускном пункте предложили поступить на службу в иерархию, и должны были показать... кое-что. Для убедительности.

– Показали, ну. Вроде цеха. Токарные станки. Только вместо деталей – люди. Их там всяко точили. Т-твою! Стружки мясные. Р-р-р-р. У меня очко...

– Ты испугался. Провинция Динамо, надо полагать. Но ведь это иллюзия, тела износились или были испорчены еще в Срединном мире. Тел нет. Нет никаких тел.

– А что есть?

– Души, друг мой, души. Чувство боли для них не потеряно, как и ощущение тела. Все это восстанавливается с помощью нехитрых технических приемов на входе в Королевство. Великолепное свойство! Одну и ту же руку можно в течение суток отрубить хоть тридцать раз. Способность вновь ощущать утраченное восстанавливается через 666 ударов сердца... Тело это всего лишь дискета, носитель, выражаясь компьютерным языком. А носители можно менять. Компьютеры при вас уже были? Хорошо. Так вот, душа – что-то вроде саморазвивающейся программы. Ее нетрудно обмануть, испортить, заставить воспринимать как существующее то, чего нет.

– Дела...

– Вернемся к разрушению и комфорту. Видишь ли, есть в разрушении своя особенная стилистика, своя эстетика... Как бы подхождивей растолковать? Э-э-э-м-м да уж. Вот, скажем, Вечная лестница, по которой мы идем. Всего-навсего транспортное средство, а какая метафора заложена! По ней можно, как ты уже, друг мой, знаешь, добраться до любого яруса, но всегда, заметь! – всегда ощущение такое, будто идешь вниз, спускаешься... Магический фокус? Э,

не так просто. Идея вечного падения, никак не меньше. Вот так-то. Выше ли мы идем, ниже ли, все одно рушимся в бездну. Напоминание, так сказать. Или вот, например, кирпичный свод над нами... кирпичики-то через раз в трещинах, зелень клочьями свисает, разнообразные мокрицы установлены в прелестном беспорядке. Кстати о мокрицах: при желании можно и раздавить парочку, но стараниями архитектора подобные декоративные детали моментально восстанавливаются. Только отвернись... Там же, тех же размеров. Добротный стиль средневековой Европы. На ярусе самурайского стиля потолок выполнен под светлое дерево, а ступени подобны саду руин. Здесь каждая вещь отвратительна на вид, но функциональна в пользовании и по-своему эстетична.

– Хотя ты и начальник, помолчи малость. Р-р-р. А то я блевану в самую эстетику.

– Что с тобой, друг мой? Изъясни-ка свою дерзость.

– Чем ты поил меня вчера, Колокольчик? Так мутит, будто поноса наглотался, прости Бесе!

– Этому вину триста лет! Шато Д'Ор. В Срединном мире за такое жизни лишиться могут. Жемчужина в моей коллекции.

– А по мне так поило хуже самогона из табуретки... Натура в себе не держит.

Так шагали по преисподней к месту назначения два существа в офицерских чинах. Последний лестничный перегон от штаба в провинциальном центре до постов на Периметре. Транспортеры здесь не работали вот уже полвека, пришлось идти пешком.

Один – простая тварь из людей, точнее из бандитов. Три года назад он получил две пули в череп и очнулся на семьсот сорок первом пропускном пункте Королевства, забыв земное имя и оставив червям кладбищенским земное тело. Его протестировали и признали пригодным к службе в иерархии. Это, почитай, большое везение. Из всей партии в триста душ только он, да одна лукавая бабенка получили шанс. Прочие пошли на «детали». Бабенка, впрочем, отказалась по неведомым женским причинам и отправилась туда же. Сорок дней занял процесс метаморфии... Как больно! Глубинная сущность взламывала временный облик и формировала новое физическое тело. Он получил в итоге собачью морду, от которой и пошло новое имя, чуткие ноздри и металлические когти на руках... Эти шестерки аж с ума посходили: «С первого раза! С первого раза – такой арсенал. Поразительно!» Песья Глотка поинтересовался, что такое второй раз, и получил обнадеживающий ответ: «Когда опять кони двинешь». Глянул в зеркало, и сердце зашлось. Уши – человеческие, лоб человеческий, волосы на голове – человеческие, а вот ниже глаз... Бульдог бы позавидовал! Песья Глотка прижился тут совсем неплохо. Лычки у экс-бандита все росли-множились, полгода назад он получил два черепа на погоны – лейтенант... А что? Житье не кислое. Если поставить себя, как положено. Служба – ничтяк, тихая, дежурный офицер на заставе у Периметра. Вчера в штаб заявился этот дрищ столичный... полковник гвардии, а в таком прикиде! Давай инспектировать, давай совать нос не в свои дела. Старый упырь Лепет, начальник штаба, велел хоть задницу начальнику вылизать, но чтоб тот довольным уехал. Правда, оказалось, нормальный мужик. Поставил даже: «Местное не пью. Обделен богатырским здоровьем...» Его эта бормотуха тоже здоровья, вишь, не прибавляет...

Зато второй собеседник – само изящество. Невысокий, тонкий, гибкий. Молодая смуглая кожа, каштановые кудри, пухлые губы, сложенные в ироничной усмешке, большие глаза со зрачками странного фиолетового оттенка и миндалевидным разрезом... О!О! Такой вот разрез лучше генеалогического древа подтверждает замечательную архаичность рода. Чуть ли не протерозойность рода... Туника свежего травянисто-зеленого цвета, пестрая повязка за голове. Кожаными шнурками к повязке прикреплены серебряные колокольчики. Сладкий звон вторит каждому шагу. Вечно он являлся в общественных местах в зеленой тунике и с бубенцами. Так и заработал имя Зеленый Колокольчик. Конечно, закон есть закон: все, кто служит Главному оппоненту за порогом смерти, должны отличаться от людей. Хотя немного. Если б снять с

Зеленого Колокольчика левую сандалию, явились бы на свет божий мизинец и безымянный палец, сросшиеся одной фалангой. Но этого не видно под кожаными ремешками. А так, красивый мужчина. Одним жестом умеет он взволновать женское сердце. Но... в общем и целом не совсем мужчина. О нет, дело не в отсутствии специфического инструментария. Никакого отсутствия, напротив, очень внушительное присутствие, мастерски задрапированное складками туники. Однако не может считаться мужчиной создание, которое не человек. Рожденное нечеловеком и встретившее первую свою смерть в облики, совсем не похожем на человеческое. Его имя – Зеленый Колокольчик – последнее из 616 обретенных имен. Его облик – один из 308, дарованных для жизни в пределах Воздушного королевства и самый удобный из трех, дозволенных при перемещении в Срединный мир. Зеленый Колокольчик метаморфирует одним усилием воли, мгновенно и безболезненно. Конечно, он выбрал себе чин и должность, подходящие для инспекции, но его служба в иерархии выше чинов. Он пятидесятый черный апостол в верхней номерной пирамиде, на самом, можно сказать, острие... Его истинное имя и есть – Пятидесятый. Последний из номерных, Шестьсот Шестьдесят Шестой, мог перстом послать миллион Песых глоток в огонь. Сотый отправил бы мысленным приказом. Что ж делал тут фальшивый инспектор Пятидесятый?

– Стой, кто идет! – окликнули обоих.

Госпожа преисподняя-2

10 июня, вечный вечер

– Бабушкин компот! – рявкнул лейтенант.

Песья Глотка пригляделся. Тут, у самого Периметра, всегда полутьма и... как бы дымка. Рай для тех, кто любит шуриться. Что за чума там копошится? А Зеленый Колокольчик ему:

– Да это брат твой. И одна изысканная барышня вместе с ним.

– Мохнач, ты? У, р-рожа, – по инерции Песья Глотка злился, потом радовался – братан в порядке, не натворил ничего, раз в карауле... и только через несколько мгновений испугался. Это такая особенная история, как он вытащил братишку из проклятой провинции Костежуй-III, битого-ломаного, да еще не в очередь и не по чину нагло записал капралом пограничной стражи. А что, в шестерках братка ходить будет? Или он тут сам не за бугра? Байду не гоните, тут все за своих держатся. Но история вышла очень особенная, о ней сказ – в другое время. Из местных один Лепет, старый жадный волчище, знал о том, кем приходится Песьей Глотке Мохнач. Что лейтенанту светило за эти художества, бес его знает, может, кандей на год, может принудработы в забое у гномов... пожизненно, а может и мясные стружки. Такие дела. И вдруг Колоколец этот, Бесе помилуй, разузнал. А если тихо так, полкану задрипанному, из столицы, руки-ноги...

– Даже не думай. Ни-ни, – дружески улыбаясь ответил на его дельные планы Зеленый Колокольчик. – Обслужишь меня по первому классу, я тебе скажу, что и как сделать, тогда все останется между нами. Только не упрямясь...

Этот огрызок даже не смотрел на него. Конечно, у Песьей Глотки остались серьезные вопросы. Потр-роха волчи! Надо б разобраться... Р-р-р-р... И тут Зеленый Колокольчик все-таки глянул на него. Краем глаза. На миг лейтенант почувствовал себя камнем. Натурально, булыжником. Вражина легонько толкнул истукана, и Песья Глотка почувствовал, как все его тяжелое каменное тело рушится в полный рост. Бесе! Сейчас же плоть отмерла, но пришлось лейтенанту сделать широко-окий шаг вперед, не падать же...

– Я все понял, хозяин. Прочно всосал. По первому классу. Обслужим. Как родного. Только слово скажи, когти вылижу!

– Ну, до этого дело не дойдет. Да и когтей у меня нет... в нынешней ипостаси. Здравствуйте. Вечный вечер.

– Вечный вечер, – отвечивал ему мелодичный голосок. Из полумрака на освещенную площадку перед постом вынырнули двое. Часовой и еще одно создание, гораздо более благообразное. Видимо, обещанная барышня. Стража-то уж точно бы никто не назвал благообразным. Похоже, метаморфический процесс почти отнял у него навык членораздельной речи. В том нутряном рокоте, который часовой издал в ответ на традиционное местное приветствие, нелегко было опознать что-нибудь конкретное. Когда-то, до костежуйских застенков, это был человек, вернее тоже бандит, брат-близнец Песьей Глотки, схлопотавший пулю на одной с ним разборке. С детства даун-дауном, медлительный, туповатый, Мохнач слова лишнего даже и в человеческий свой век из уст не выпускал. Зато здоров был, как медведь. Не раз и не два братишки привозили его на разборку для одного только дела: показать – медведя жуткого реально выпустят, если какая непонятка... Порвет, просто в клочья порвет! Пулю, однако, никакому зверю не переспорить. В чертоге посмертном этот неуклюжий здоровяк превратился в собственную маску: вышел из него первостатейный мишка, с круглыми ушами, большим влажным носом, густой бурой шерстью – при том, что вся анатомия и физиология остались от человека... Глаза не удались. Вместо медвежьих маленьких и хитрых очей на мохначьей морде красовались два огромных жалобных кругляка. Коровы любили бы его. О! Как коровы бы его любили... Когда природные нелюди принимались дразнить беднягу, медвежка свирепел всерьез и по-настоя-

щему. Кругляки наливались кровью, как у быка в ненастном настроении, а удар медвежьей лапы он... лучше не пробовать. Шкура опять-таки у него страшной твердости, прямо броня, а не шкура. За несколько месяцев службы Мохнач искалечил двух рядовых бесей с избыточно развитым чувством юмора; снес голову механику-гремлину, который копался бы тихо в своем моторе, нет, тоже заулыбался; пометил ведьму-повариху, будет еще дурища ставить перед ним миску сена вместо миски мяса; и... приобрел легкое сотрясение мозга от рыжего тролля – кто ж знал, что когда он так вот скалится, это не смех его разбирает, а запор или, скажем, гастрит? – рожа у тролля не того, невнятная. Но в целом медвежку любили. Такой забавный дурак!

Второе существо... Как она хороша! Черные блестящие волосы, заплетенные в десяток коротких косичек, «лунное» лицо, резные брови, маленький рот с пухлыми чувственными губами, широкие скулы, тонкий монголоидный разрез глаз. На самом кончике носа – пикантное родимое пятнышко. Фигуру лейтенант оценить не мог: форма гвардейского капитана висела на красавице как шуба на вешалке для ночных рубашек; цвет кожи в этих вечных сумерках не разглядеть, но знал он сибирячек – якуток, буряток, – кожа их бела. И, конечно, глаза! Да, да, блистательное орудие – глаза, когда они умеют выражать одновременно вызов и призыв. Старинные ценители сказали бы: в цвете своей пленительной красоты эта прелесть как грозный корабль, снаряженный к бою. И вся многослойная драгоценная оснастка была подарена магическому существу женского пола, но не женщине, нет. В том месте, где она в первый раз родилась, подобных ей называли му-шубун. Все му-шубун испокон веков рождались красавицами. Право, жаль, что чарующей представительнице их племени суждено сыграть в нашем повествовании лишь эпизодическую роль.

Мохнач, отдав честь мимо всех и всяческих уставов (лапой махнул у правого уха, как будто отогнал комара), кликнул дежурного офицера... или, скорее, рыкнул дежурного офицера. Все четверо стояли молча, в ожидании. Зеленый Колокольчик усмехался: лейтенант, простодушие, глаз не мог отвести от сибирской прелести. Му-шубун притягивала его с гипнотической силой. Что ж, у девочки действительно приятный взгляд... э-э притягательный приятный взгляд. Этот олух неотесанный уже и шагжок вперед сделал. А ведь она ему даже не улыбается. Знал бы олух, как она умеет улыбаться. Скотоподобные олухи все золото мира готовы отдать за одну такую улыбку... Еще шагжок. Девочка моя, это лишнее.

Песью Глотку отшвырнуло назад, на десять шагов.

– Уважаемый коллега! Похоже на то, что ваш долг только что удвоился. Вы мой о-очень большой должник. Как вас угораздило? Не все еще наши диковины узнали? Да-с. Понятно. Служите-то в наших палестинах всего ничего... – в ответ не сказал ему Песья Глотка ни слова, да и что скажешь, побывав за два сантиметра от черной гибели, спасителю своему? Поскольку именно двух сантиметров не хватило длинному шипу, вылетевшему прямехонько из родимого пятна на носу у прелести и сверкнувшему кроваво-красной медью, до лейтенантского глаза. Ловко его убрал из-под удара полковничек.

А Зеленый Колокольчик как раз занялся му-шубун. Он сделал совершенно особенное движение. Не притянул ее к себе, не подошел сам, не за руку взял и не за плечо, да и не обнял. Так берут вещь с полочки. Только что она лежала там, р-раз, и уже тут, в руке... Они смотрели друг другу в глаза, острие шипа застыло у самой переносицы Зеленого Колокольчика. Жало на секунду ушло внутрь головы му-шубун, затем вновь с лязгом выскочило, почти коснувшись скулы. Так несколько раз. Полковник нежно поглаживал шею прелести. Уловив мгновение, когда шип был внутри, он пальцем закрыл маленькое отверстие на носу. Видно было, как череп женщины слегка подергивается: надо полагать, смертоносный металлический стержень искал выход, но полковничий палец оказался крепче брони. Бейся, бейся...

– Прелесть моя! Гэрэл-хатунь! Милая моя девочка... – серебряные бубенчики сладострастно звякнули, когда он наклонился и поцеловал барышню. Она ответила ему, она обняла его, ее губы затеяли игру с его губами.

Странное это было зрелище. Прелесть приникла к полковнику, глухо постанывала, не отводя уст, извивалась всем телом, как змея, меняющая кожу, закрыла глаза в ласковом забытии... Но череп продолжал подрагивать, темп ударов не снижался.

– Курва. Вот же курва. Ну и курва! – изумленно бормотал Песья Глотка.

– Впервой такое видеть, Ваше низкомерзие? – подошел сержант Мортян. Обыкновенный бес, с хвостом, копытами и рогами, причем рога в соответствии с требованиями устава чуть подточены: разить сподручнее... или сподрожнее? Не до щегольской и ненадежной тонкости сточены, но и не тят-ляп, как у дюжинного быка. И весь бесячий облик славно подходил к этой замечательной точности в подточке рогов. Сержантская форма сидела на Мортяне как влитая – где надо подшито, где надо – отпущено. Офицерский кистень к ремню туго-натуго пристегнут. Пуговицы самопальные, серебряные, круче штатных – из человеческой кости. Для понимающего воина с первого погляда видно: бесище опытный, старый, службу знает, военная косточка. И, конечно, припасен у него мундир с костяными пуговицами, для начальства, для проверок, но в самой гуще тоскливой гарнизонной жизни этот служака умел показать свой особенный кураж.

– Да курва же, убей меня Бес, – ответил ему Песья Глотка, подавая руку. На заставе не хватало офицеров, Мортян заступил на боевое дежурство, исполняя лейтенантские обязанности. Да и опыта у него... Без малого восемьсот лет на службе, за Тридцатилетнюю войну имеет пурпурный череп с костями, а за работу в провинциях общего режима – именные пыточные клещи с серебряной насечкой «От благодарного командования». Словом, Песья Глотка подал ему руку первым.

Проверяющий еще не расцепился с прелестью. Та явственно повизгивала от восторга.

– Не скажи, – рассудительно пояснил Мортян. – Не курва. Чем она виновата, что ее родили с таким назначением: завлекать и убивать. У них, у этих му-шубун, мужиков всего ничего, один на пять баб. Безвредные твари, почти как люди. Годятся только для одного дела: баб своих развлекать... Но им же мало, им еще хочется, бабам этим. А клювик-то щелкает, желают они там или не желают. Сам, видишь ты, выскакивает. Им такие хваткие парни, как этот вот, в охотку. И косточки помнет и... того... не откинется.

– Многоразовый, значит.

– Ну.

– Му-шубун?

– Ну.

Лейтенант пришел на позицию, чтобы сменить дежурного офицера. Мортяна, стало быть. Он ожидал здесь увидеть роту пограничной стражи штатного состава. Как положено. В пограничном отряде – два квадрата, в квадрате два треугольника – по треугольнику на заставу. Треугольник состоит из трех рот: одна дежурит, две остаются в части. Потом, понятно, меняются. В роте сотня рыл с копейками: два взвода обычных бесей, звено разведки и взвод человеков. Без человеков – никак: ну не любит чистая сила технику, ни к чему ей эти пукалки скорострельные. Все, из чего стрелять умеют беси, – арбалеты, да две затынные пищали устрашающего калибра. Их, говорят лет четыреста с лишком назад в Срединном мире смастерили. Опричные какие-то оружейники. Это у людей пистолеты-автоматы, да всяческая маготехника: станковый ротный «бесячий пал», «копыто дуба» на гусеничной тяге и старенький «морок» гоблинского производства. Еще есть боевая разведывательная десантная машина. Но ее собрали здесь, в Воздушном королевстве, поскольку из Срединного мира такую крупную вещь целиком хрен вытащишь... Только по частям Ну и... не того она, не ездит, одним словом. Только стреляет, но вот не ездит совсем, поцелуй меня ангел, что ты будешь делать! Зато стреляет хорошо. Море огня! Звено разведки – тут затейливые твари. Тролль, да химера, да одна старуня из эльфов, она же ведьма, она же повариха, да гремлин... был. Зато бесей набрали из нормальной тупой провинции Гнилопят. Крепкие сельские ребята. С дубинами-топорами как надо управляют. На дырку ходят, в реке моются, серой зубы чистят. Не столичная какая-нибудь блатата, уни-

тазов не требуют. Эта самая гнилопятская рота, да Мортян, да казарма – вот что думал увидеть здесь лейтенант, – не первый раз ведь он на боевом дежурстве. И совсем не ожидал Песья Глотка обнаружить что-нибудь еще...

– Му-шубун, значит. О, как девка-то вьется... Как эта курва здесь вообще оказалась?

– Давай-давай. Назови ее курвой еще раз, погромче. А она, между прочим, гвардии капитан. Нашивочки разглядел? Четверку бубен на плечиках у барышни наблюдаешь? А теперь на это вот посмотри... – сержант достал подколотую под обшлагом булавку с камушком. Маленькую и редкостную булавочку. Такую Песья Глотка видел только один раз в жизни, считая и тридцать семь лет ее предзагробной части. Он видел подобную же в учебном центре провинции Плац-ХІ, на картинке. Все сходилось: тигровый глаз, обточенный в форме пирамидки, а на нем вырезана руна «угга», из первозагросского алфавита, умершего в ту пору, когда земли Шумера еще были безлюдны... «Угга» на языке приказов и подчинения расшифровывалось так: «Повиноваться. Оказать содействие всеми имеющимися силами и средствами».

– Ну и курва... – по инерции потянул лейтенант, но сей же час осекся.

Гэрэл-хатунь на секунду оторвалась от своей ненаглядной сласти, с томной ленцой повернулась к младшему командному составу и молвила певуче:

– Sie, leutenant, qu'lluigh fehliae mattan jesst.

Зеленый Колокольчик заулыбался:

– О, моя резвушка! Какой mattan? Qu'lluigh fehliae? Семьсот лет не слышал этого выражения...

Они продолжили.

– Это что значит, Мортян? Она чего тут напела?

– Э! Разве мы господским языкам обучены? – и тихо-тихо добавил, – А откуда взялся твой... Откуда этот этотлльнй?

Тут уж полковник оторвался от своей сахар-медовны и ласково так говорит Мортяну:

– Сержант! Вы, конечно, более корректны, чем ваш коллега. Но продолжать я бы не стал. Нетрудно расслышать ваши громоподобные вопли даже за тысячу шагов... Кстати, по-гоблински это будет не этотлльнй, а этотлльнйшш.

Они продолжили.

– Полкан из метрополии. Бугор еще тот. Заставу прошмонал, теперь тут проверяет.

– Па-алковник? В этом прикиде? – уставился Мортян на бубенчики, на пеструю повязку. Да и сплюнул. Что тут добавишь: времена такие пошли, даже армия развращается...

Помолчали.

Мортян, глазами указывая на прелесть:

– С обеда тут ошивается, серафимово отро... госпожа капитан. Ты знаешь, у нас одно колдовское зеркало на ремонте, из второго за всем стараемся углядеть... Так она всю обзорную траекторию сбила. Приказ такой: наблюдать одну точку. А там горячий парень магию пробует. Как-то это он... типа баран в балете. Тупой, все путает.

Мортян с лейтенантом стояли поодаль от парочки, да и медвежка рядом с ними так шумно чесался, кажется, ничего за его чесом не услышишь. Ан нет, Зеленый Колокольчик уловил смысл их беседы и всполошился. Поцелуй-нежности – в сторону:

– Что он там путает? Уже начал?

Медвежка перестал чесаться. Всем им очень не понравился голос полковника.

– Да. Я полагала, мы можем ненадолго...

– Mattihlia waeddfa, – глядя ей в глаза, спокойно произнес Зеленый Колокольчик.

– Я этого не заслужила, мой господин.

– Мне решать, чего ты заслужила. Доложи обстановку.

– Я не хотела вас огорчать, мой господин... – Зеленый Колокольчик молниеносным движением разбил ей губу, – ...я ...он ошибся в заклинании. Выдал неверную цифровую настройку.

– На что он *сейчас* настроен?

– Я... не понимаю. Я не смогла... понять...

– Когда это началось?

– Только что. Перед вашим приходом, господин.

– Ты должна была исправить это. Ты не смогла. Знаешь ли, возможно, тебя уже не существует.

Гэрэл-хатунь смолчала. Если Пятидесятый не спасет ее, то... да, она уже не существует.

...Когда бы и где бы не взглянул житель Воздушного королевства вверх, небом ему всюду и всегда послужит каменный свод. По периметру свод превращался в стену. В некоторых своих облициях Зеленый Колокольчик воспринимал камень как призрачную субстанцию: по сути, Воздушное королевство растворено в Срединном мире, они совмещаются в одном времени и пространстве; псевдокаменные перегородки – лишь порог для перехода из одного мира в другой. И все это заключено внутри Вселенной творца. Колдовское зеркало представляет собой абсолютно прозрачный кристалл размером с небольшого кита. Оно вмуровано в псевдостену на манер циклопического окошка. Впрочем, в тот момент ни Пятидесятый, ни му-шубун, ни уж тем более все остальные не способны были отличить призрачное от твердо-вещетвенного. Стена и стена. Свод и свод. Кристалл и кристалл. Сразу за ним Мезенцев с кузнечиком в кулаке бормотал свои заклинания. При этом адепт раскачивался всем телом, вероятно, от сознания значительности происходящего.

– Громче, – велел Зеленый Колокольчик.

Голос Мезенцева громом разнесся по позиции боевого дежурства. Полковник вслушался. Адепт перевирал от волнения каждое четвертое слово. Или каждое третье.

– Бедный идиот...

Провал мероприятия грозил Зеленому Колокольчику неприятностями. И он укорял, хотя и благодушно, непутевого адепта, наблюдая за ним в Зеркало:

– Дружок, милый мой дружок, почему вы все так любите соваться в магию, в мистику, в какую-нибудь эзотерику... Ну что там, медом что ли намазано! Не знаете ничего, кроме путаных слухов... Как от чего защищаться, у кого просить покровительства и чем за него платить – звук пустой... Но каковы орлы! Напролом. Навстречу приключениям! Если бы вы знали дружок, сколь сильно это напоминает дергания дикаря, которому завязали глаза и бросили на середине скоростной автострады. А он, бедняга, даже не представляет себе, что такое автомобиль... Несомненно, ценное для чистой силы качество, но... дружок... существует уровень кренинизма, убийственный даже для преисподней... Бесе, за что мне это!

Так бормотал Пятидесятый, прикидывая, на сколько номеров его опустят. Тридцать? Сорок? Сто? Кое-кто был против рейда. Возможно, цена будет выше, чем кажется. Вдалеке от Бесом забытой заставы четыре гвардейские роты ожидали сигнала. На удобной позиции, с которой можно было выйти прямо к Объекту Ф. Элитные подразделения. Темные эльфы и цифровые демоны. К несчастью, с того места нельзя было наблюдать за адептом. Только отсюда. И полковник наблюдал... как рушится операция, начавшаяся много месяцев назад.

– Гэрэл, вид извне!

Комната Мезенцева предстала в виде светящегося кокона, из которого выползал змеевидный отросток. Эта живая лента шарилась в пустом пространстве, отыскивая невидимую точку опоры и не находя ее. У Пятидесятого в том месте, где люди носят живую душу, зашевелилась надежда: соединения не произошло, кое-что еще можно исправить. Недолгий же век был ей отпущен. Оставь надежду, всяк здесь живущий... Прозвучала кодовая фраза. Полковник поморщился.

– Гэрэл, ты хорошо расслышала, *что именно* он сказал?

– Не совсем. Он призывает... это ясно, про Воздушное королевство – тоже ясно, чего-то четыре... но чего? Или кого?

– Да Бесе ж! Пехотные роты.

– Мой господин... боюсь, на месте этих двух слов у него получилась бессмыслица. Роты – еще как-то похоже... но... не очень. Владыко падший! Что теперь будет!

Лента разошлась на четыре тонких змейки. Одна из них отыскала свой порт приписки: кончик ее «прилип» к пустоте. Неведомо какая точка Воздушного королевства соединилась со Срединным миром.

– Отойти всем на сто шагов. Быстро! Есть еще средство... – Полковник стремительно метаморфировал. Он сунул себе в рот серебряную пластинку с тонким орнаментом... Через двадцать ударов сердца пластинка оказалось в одной из трещин, густо покрывавших что-то вроде фасеточного глаза в рост человека. Му-шубун, лейтенант и прочие услышали тонкое зудение: нечто среднее между комариным звоном, жужжанием пчелы и мушиным нытьем, только намного громче. Зудение то превращалось в басовитый гуд, то уходило на ультразвуковые высоты. Из трещины с пластинкой полилась кровь... Что ж, некоторые имена невозможно произнести в человеческом облики, трудно – в иных метаформах, и всегда за это приходится платить.

Две змейки приклеились к кокону. Некто из Срединного мира послужит на благо Владыки. Лишь один конец все еще свободно развевался.

У самой псевдостены, рядом с Зеркалом, встало тонкое марево. Потянуло морозцем... На всю позицию прогремел шепот:

– Да-а-а-а?

Пятидесятый вновь перекраивал свое тело в человекоподобный вид. Окровавленная пластинка упала к его ногам. У одного из солдат лопнула барабанная перепонка, он с криком рухнул, немедленно превратившись в кучку тряпья и желтых костей. Ему не следовало шуметь. Зеленый Колокольчик произнес, обращаясь к мареву:

– Я ваш верный раб. Я преданно служу вам. Соедините, умоляю...

Пауза. Молчание. Потом:

– Да-а-а-а!

Марево тут же исчезло. Ленточка закрепилась. Но не там, где хотел Пятидесятый, а... Бесе, Бесе! Испытываешь мою службу!

Зеленого Колокольчика била крупная дрожь. На лбу – холодная испарина. Из рта – кровь ручьем. Он хрипло скомандовал:

– Гэрэл, остаешься здесь. Вызовешь вторую роту к Периметру. На связи со мной быть постоянно. Лейтенант, открывайте портал. Рота выходит в Срединный мир. Сержант, стройте ваших.

Младший командный состав застыл в полном ошеломлении. Их бросали на какую-то секретную операцию вместо гвардейских боевиков. Без приказа командира заставы. Без ужина. Без подготовки. Да многие вообще там никогда не были... Но морозец, морозец еще бродил ласковым песиком у самых ног, напоминая о *том, кто его оставил*. Столь убедительно! Какие еще требуются аргументы?

Песья Глотка взял у Мортяна десантный ключ – молоток из ясеня, весь покрытый вязью загросских рун. Ударил в Зеркало. Прозрачная плоть растворилась, за нею открылся проход... Их и впрямь соединили.

Полковник шагнул к portalу. Колени подгибались. Он крикнул Мохначу:

– Ты! Сюда. Понесешь меня...

Маньяк—маньяк, с печки бряк!

Ночь с 10-го на 11-е июня

В таких людях главное не слова. И уж конечно не поступки. Не поступки, нет. Поступков-то и не увидишь. Не покажут они своих поступков, там за каждым поступком, надо полагать, – по статье уголовного кодекса, а то и не по одной. Да хоть бы и показали, лучше б не видеть. Потому что если видеть, то либо соучаствовать, либо становиться потерпевшим... Что ж главное? – Манера держаться. Какая походочка! Медленно так, неторопливо, солидно, как будто для совершения каждого отдельно взятого шага требуется ответственное решение. И ленца, ленца должна быть: по ней легко прочесть скрытую силу – как у какой-нибудь огромной хищной кошки – ходит, потягивается, да вдруг как прыгнет, как врежет лапой! Лапы... виноват, руки следует закладывать глубоко в карманы. А карманы следует располагать в черной кожаной куртке. В особенной поскрипывающей куртке, и хорошо бы при каждом шаге легонько позванивали висюльки-железочки. Если не позванивают, а всего-навсего побрякивают, если, того хуже, вовсе никак не звучат, тогда – что? Тогда требуется завести устрашающих размеров металлический брелок, привесить к нему что-нибудь, производящее деловое впечатление, и крепко надеяться на лучшее: уж брелок-то не подведет, звону будет как положено. Прическу лучше короткую, брутальную, милитаризированного образца. Как у грубых солдат. Спереди можно бобрик – для женщин. В смысле для телок. Для баб. В конечном итоге – для женщин. Чтобы клевали. Голову полезно поглубже топить в плечах. Отсутствие шеи – недосягаемый, увы, идеал. Цапки, конечно надо завести. Кто способен – цепки из рыжухи, гайки... Для начинающих – кожаные браслеты, всяческая металика; если часы, то массивные, на полпути к цельнометаллической свинчатке. И, разумеется, выражение лица. Независимое. Серьезное. Чуть ироничное: ну, бегайте-бегайте, пока живы. Пока я к вам руку не протянул. Взгляд... особенный взгляд, когда он смотрит прямо на тебя, этот парень, но как будто не замечает, не видит, пронизает твое тело как пустейшую пустоту. Он занят по-настоящему серьезными мыслями, а ты – так, барахло, не стоящее внимания. Он разговаривает, быть может, совсем не глядя тебе в лицо. Куда-то в сторону смотрит, сплевывает. Щелчки по куреву для него на порядок важнее тебя со всеми твоими ничтожными потрохами. Вообще, закуривать умеет с необыкновенной артистической мужественностью. В одной-единственной затяжке столь огромная доля мачо, которой с избытком хватило бы на пять тореадоров. А попробуй так складно поставить ладони лодочкой, прикрывая огонек от ветра! У тебя спичка потухнет в ста случаях из ста. Ему и одной попытки достаточно. Как он будет на тебя смотреть после этого? Да как на ноль. Он так и смотрит. Или расхмылится так нагло, ты для него что? правильно, – дите, мелюзга, салага, шпак гражданский, лох. Он – да, он человек. А ты – кто? Да так, прибрел, встал рядом, оказывается, умеешь разговаривать... По одной наглой ухмылке прекрасно видишь: чуть что не так, чуть только ты возомнишь о себе, словно и на самом деле человек, – размажет. Такие у него смеющиеся глаза.

Славный попался экземпляр! Игорь Святославич глянул на часы. Одиннадцать. С момента его Освобождения прошло всего ничего: короткая толстая стрелка и трех цифриков не миновала... Конечно, пришлось поискать. Но этот – роскошный экземпляр. Еще не заматерел, еще не какой-нибудь охранный буль-терьер или бугор уголовный, еще до этого не дошло. А вот до стадии наглого юнца, молодого хулигана экземпляр уже дорос. Всего-то ему лет семнадцать-девятнадцать. Наглый юнец! Отлично сказано. Машина у него, новенький «Москвич», еще ни царапинки. Оперся о дверцу задницей, курит со всем потребным куражом, во взгляде – ленивое хамство. Ну и куртка у него, конечно, с побрякушками. Тварь! О, как ненавидел Игорь Святославич таких людей с самых детских годочков... Лютой, лютой ненавистью. Что им – ударить? Что им – унижить? Что им – оскорбить человека? Ни за что, просто потому, что он

маленький и незаметный, спокойный и порядочный по характеру. То есть не любит озорства. К матери один такой приходил... Сколько лет прошло, забыть его глаза невозможно. За что этот подлец тогда его ударил? Да так, от резвости. С женой Игорю Святославичу тоже не повезло. Она, как выяснилось вскоре после свадьбы – из таковских. Сладу с ней никакого. Впрочем, любимую свою Лилию Игорь Святославич освободил без малого три часа назад, и до сих пор был до краев полон тихой радостью. Свершилось...

Он подошел поближе. Так и есть! Новое Зрение подтвердило догадку. Игорь Святославич увидел, как из глаз и ноздрей наглого юнца сочатся тонкие струйки черной энергии, текут ниже, ниже, прокладывают маленькие русла по куртке и брюкам, как дождевые капли на стекле; собираются в маленькую лужицу у самых ног подонка. Да! Это носитель тьмы. Конечно, не столь жуткий и устрашающий, каким оказалась его супруга, но вполне опасный для близких. И конечно, Освобождение необходимо.

Игорь Святославич направился к молодому мерзавцу. Тот задержал на незнакомом дядьке взгляд, и взгляд этот был встречен радушной улыбкой. Да! Игорь Святославич приступал к ритуалу Освобождения, он нес темному человеку спасение, и вся душа его преисполнилась веселья; конечно, он улыбался юнцу, как родному. Сейчас развернутся врата свободы, жизнь, проведенная во мраке, прервется, взамен же придет новая, светлая, исправленная судьба... Кроме того, ничему так не верят люди, как верят они улыбке. Рука не подымается – защититься от улыбающегося человека. Улыбается, значит не желает причинить вреда. Наверное, перепутал с кем-нибудь. Или хочет предложить что-нибудь хорошее. Качественная, грамотная улыбка избавила Освободителя от лишнего риска.

Не переставая растягивать губы, сочась неподдельным радушием, Игорь Святославич вынул из хозяйственного пакета обрезок трубы и тремя ударами раскроил юнцу череп.

Странно, тот умер не сразу. Голова подонка потеряла естественную форму, кровь быстрыми струями стекала на асфальт. Он даже не имел сил пошевелить языком, закричать, застонать. А вот руки у него дергались еще довольно долго. Он упирался пальцами в серую пористую массу тротуара как человек, который хочет то ли отжаться, то ли встать, оттолкнувшись ладонями, но так устал, что сил не хватает ни на то, ни на это...

Игорь Святославич пригляделся. Да! Освобождение произошло. Сочащиеся нити черной энергии пропали, черная лужица на асфальте, видимая только Новым Зрением, исчезла. Ее смыло несколькими алыми лужицами. О, брат! Игорь Святославич испытал к освобожденному светлое, прекрасное чувство. Ему так хотелось наделить его особенной, священной нежностью. Зло и тьма ушли из этого человека, его вновь стоило любить.

Освободитель наклонился к юноше, обхватил его голову руками и повернул лицом к себе. Искра жизни все еще жила в глазах. Прекрасные добрые глаза ровного темно-карего оттенка... как чайная заварка. Игорь Святославич прижался щекой к щеке, не обращая внимания на кровь, ласково погладил освобожденного по спине. От неосторожного движения из височной кости вылетел небольшой осколок, а вслед за ним – фрагмент грязно-белого пудинга. Тело дрогнуло, прошла последняя судорога. Освободитель поцеловал юношу в губы – так, как давно уже не целовал покойницу-жену; впрочем, быть может, он никогда не целовал ее так. Игорь Святославич подивился своим мыслям. Супруга мертва вот уже – он вновь бросил взгляд на часы – 177 минут, а он все еще по инерции воспринимает ее как живую...

Уложил тело на мостовую. Помахал ему рукой на прощание. Отправился дальше – продолжать светлый поиск, вершить освобождение.

Забавно, для людей непрозревших он, скорее всего, будет выглядеть типичным маньяком. Ретивые сыскари примутся разгадывать его действия, станут выслеживать, охотиться, в конце концов убьют. Маньяк-маньяк, с печки бряк... О, никому не понять его миссии. Какой дар, какой бесценный дар – новая судьба! Его жизнь теперь – бой, его проповедь света – бой, его счастье и высшее оправдание – бой. Он ждал, быть может, всю жизнь; но вот прошла малость и

худость, обречено назначение высокое. Конечно, убьют. Но смерть – всего лишь барьер, который не позволит продолжить светлый поиск. Надобно успеть до ее скорого и неизбежного прихода освободить как можно больше новых братьев. Да! Во имя света, во имя истины, да скроется тьма! Когда его попытаются захватить или прикончить, он не станет прятаться. Он примет последнюю усладу последнего боя и, возможно, в последний раз освободит кого-нибудь. А там, за гибельным порогом, он знает, найдется сила, которая позвала его, которая дала ему прозреть, – она оценит его усилия, она не даст угаснуть его счастью!

Игорь Святославич задумался: да так ли уж далеко мертвое от живого? Живое, существующее в скверне тьмы, мертвее чем мертвое, освобожденное для света. Такова истина. Чем была его жена Лилия три часа назад и все двадцать лет до того? Ну, исключая, быть может, первые несколько месяцев после свадьбы? Человеком тьмы, маленьким тираном. Да! Это теперь совершенно ясно.

Стоило увидеть ее один-единственный раз, чтобы осознать ошибочность и трагедию всей их совместной жизни. Как хорошо все начиналось семнадцать лет назад! Он, молодой преуспевающий аспирант на грани защиты, она, художница из провинции с большой творческой амбицией... Через десять лет он понял, что прочно и, возможно, навсегда застрял в ежедневной борьбе с неподатливыми мозгами трех десятков гавриков. Очень шумных. Притом, сколько нервов требуется! Есть люди, которые, став школьными учителями, до конца дней искренне любят и уважают собственную профессию. Для Игоря Святославича эта работа играла роль трамплина, он должен был прыгнуть наверх, пересидев положенное. Но прыжок не состоялся. Он увяз в ненавистной школе. Вероятно, был шанс вырваться. Был, определенно был. Да! Ему не следовало оставлять исследования. В конце концов, есть вечера, выходные. Да ночи, черт побери! Не он один попадал в маленькую бытовую ловушку. Но Лилия оказалась слаба здоровьем, работать не могла, рожать не рисковала... короче говоря, ей требовался уход. На все оптом Игоря Святославича уже не хватило. Еще через четыре года она, по ее словам, немного пополнила. Когда стрелка подлых весов стала зашкаливать за 115 кг, в их семье оживились сексуальные проблемы. Прежде всегда было так: он вымаливал, она иногда и без особой охоты соглашалась. Теперь ситуация перевернулась: она требовала, он не находил в себе сил. Два года назад Лилия принялась поколачивать супруга. Он не отвечал: как же, мужчина, невозможное дело. Да и выглядело все это поначалу довольно безобидно. Ну, ткнет, шлепнет, толкнет, что с того. Впервые Игорь Святославич осознал, что дело серьезно, не более года назад. Он тогда потерял сознание. Прежде такого с ним не случалось. Полуразобранная мясорубка это, знаете ли... Кстати, очнулся от пинков. Лилия стояла над ним с сумкой и пошумливали:

– Давай-давай, вставай! Нечего тут театры мне разыгрывать! Актеры мне тут не нужны. Живей подымайся и в магазин шагай. Тоже, разлежся.

Он отер кровь и уехал к знакомому. Пока добирался успел додуматься: что-то здесь не то. Прямая несообразность. Ирреальная ситуация. Во тьме глухого и странного воспоминания, о том, куда именно путешествовал Игорь Святославич в бессознательном виде, плавало одно неприятное ощущение: за ним кто-то наблюдает и насмехается. Злорадствует. Ну. Слово за слово со стариннейшим знакомцем, стопочка за стопочкой, и вернулся Игорь Святославич на третьи сутки, со следами чьих-то ботинок на спине и полной атрофией того сектора памяти, который отвечал за ближайшую неделю. Потом несколько раз это была сковорода, один раз скалка, еще один – табуретка, рецидив сковороды... потом попытался сопротивляться: как же мужчина. Она оказалась намного сильнее. Когда твою голову монотонно, хотя и с приличной скоростью, опускают на крепкий финский стул, придерживая за волосы для лучшего замаха, ромашки и лилии на обоях, оказывается, прелестным образом сливаются в цветущий луг... Выныривая из забытья, Игорь Святославич явственно слышал чей-то злорадный хохот.

Наконец, сегодняшней вечер. Между восемь и половиной девятого. На этот раз – немецкий паровой утюг. Кажется, он готов был убегать от жены по стенам...

– Ты, ничтожество! Убогая свинья! Кем бы я стала, если б не связалась с тобой! У всех моих подруг уже были персональные выставки! – Удар. – Т-ты! Уворачиваться! Подонок, какой же ты подонок! – Удар. Мимо. Кафельная плитка брызгает керамическим дождем. – Ах, так! Ну, держись, скотина. Ты не мужчина. Ты ни на что не годен. Ни денег в дом принести, ни жену собственную удовлетворить! – Удар. Скользящий, по плечу задело. Первое было неправдой, – он не только работал в школе, но еще и прилично получал по репетиторской статье. Второе – да, но не хочет он этого студня, что поделаешь. – Иди сюда! Сюда, я сказала тебе. Я все равно до тебя доберусь, тварь...

И добралась-таки. Это было очень больно. Кажется, она смахнула с его черепа небольшой участок кожи с волосами вместе. В тот достопамятный миг то ли боль, то ли некое странное воздействие извне, то ли и то, и другое, сместили важную пружину в голове у Игоря Святославича. Хохот загремел по всей кухне. Лилия вздрогнула, значит, слышит и она. Да и как ей не слышать, когда ее же мерзкий импотентишко нагло смеется в лицо. Она замахнулась. Сознание Игоря Святославича сделало два значительных открытия. На оба хватило секунды. Во-первых, хохочет он сам. Во-вторых, его жена – прислужница тайных сил. Носитель тьмы. Теперь все встало на свои места. Теперь он получил миссию – остановить ее. И таких, как она. Он перехватил Лилину руку. Жена и муж глянули друг другу в глаза. Лилия испугалась. Игорь Святославич утвердился в своей вере. У него прорезалось Новое Зрение. Оно открыло прежде невидимую правду: супруга истекала ручьями темной, злобесной энергии; как широкие ленты черного атласа, эти ручьи охватывали странное, совершенно неженское тело: жвала вместо челюстей, рога вместо прически, какой-то дикий слесарный набор вместо ног. Свершилось преобразование. Исчез добропорядочный супруг, маленький человек, тихий неудачник. Явился Освободитель. Кость монстра хрустнула в его ладони. Утюг с первого удара дошел до мозга...

Полночь застала Игоря Святославича в самом центре Москвы на Белорусском вокзале, в кафе. Вся его одежда, руки, лицо и волосы были забрызганы алой жидкостью, но никто не решался выгнать нежеланного клиента или позвать милицию. Мало кто понимает те механизмы, которые упорядочивают суетливую и небезопасную жизнь ночного вокзала. Тем более не разбирается в ней простая буфетчица. Если кому-то разбили голову, или же он сам сделал это, следует трижды хорошенько подумать, кто он, что он, с кем он и против кого, прежде чем свяжешься с таким вот. Отличная дебютная идея: просто держаться подальше, пока возможно. Посетители настороженно косились на Освободителя, кто-то хмурился, одинокая барышня быстренько вышла. Но лишних разговоров *никто* не стал заводить. Игорь Святославич, капая чужой и своей кровью на пол, скушал куриную ножку, запил кофе, приветливо улыбнулся женщине за прилавком и был таков. Расплатился, конечно.

Прежде поедания курочки этот счастливый человек освободил две души. До рассвета он прикончил еще двоих.

«Милая моя, солнышко лесное...»

10 июня, поздний вечер, переходящий в ночь

К девятнадцати годам она твердо установила истину, которую однажды постигает всякая женщина, помимо нимфоманок, мазохисток и тех ненормальных, которые позволяют себе тупо влюбляться. Так вот: мужчины это такие существа, с которыми следует разговаривать с позиции силы или никак. Иначе не оберешься неприятностей. Лучшая, излюбленная ее манера общения с самоуверенными самцами: до самого решающего момента держаться побежденной, едва-едва сопротивляющейся, почти покорной, а когда божественная секунда перелома настает, бросать им в лицо каре тузов... Ну, любимый, кто победил? Чье колено и на чьей груди? Кто раб и кто властвует?

О, разумеется, она далека от пошлой мысли использовать грубых скотов ради какого-то там процветания. Конечно, иногда они могут быть полезны, но общаться с ними только ради этого – банальная корысть, низкий стиль. Насколько красивее просто брать над ними верх. Так, чтобы сознание поражения пробивало их многотонную броню, прожигало ее насквозь и поражало утлые самцовые душонки горечью. Мало разбить мужчину, мало унижить его, мало выставить его на посмеище. Требуется сделать так, чтобы он сам до самой тонкой жилочки осознал и прочувствовал, насколько он смешон, жалок, до какой степени он неудачник. Есть риск и есть чистая отрада в таких играх. Какая эстетика! Какая страсть! Не болота похоти а чистый высокогорье честолюбия...

И... да, у Шаталова была преглупая улыбка. Торжествующая, скотская, настоящая мужская улыбка. Если бы научили улыбаться каких-нибудь быков, они улыбались бы намного тоньше. Сколько простецкой самоуверенности расплескалось по шаталовской роже. Надо же! Он ухаживал полгода, раза три бывало так, что вот-вот, и она ему даст. Вот еще чуть-чуть, и все, готово дело. Срывалось буквально из-за глупостей. Когда пришла повестка, он честно сказал: так мол и так, люблю мол, давай договоримся, что как вернусь из армии – поженимся. Ну и она, мол, надо подумать, это, знаешь, такое дело... Родителей нет, никого нет, друган от квартирки ключ дал, ну, давай, мол, то самое. Пошли. Она, понятно, мнется, краснеет, девка, ясно, стеснительная. Он и сам застенялся. Очень все-таки неудобно, опыта нет. Но, говорили пацаны, если залюбились, все как-нибудь получится. От самых дверей убежала. Конечно дело, Шаталов огорчился. Надо же! Могла бы хоть слово сказать, что ей не так. Уезжала партия бритых на север, уже почти поезд тронулся, а он все глядел: ну, чего ж не пришла? И тут она появилась, выскочила откуда-то, бог весть, вся запыхавшаяся... Вагончики скри-и-и-п тах-тах. Успела его клюнуть в губы, так коротко, что ясно, сладко выходит, а до конца не распробуешь. И, говорит, буду ждать, возвращайся, Сашка.

Уже на подножке вагона Шаталов улыбнулся. Кретин. Им никогда не понять, в какие тонкие игры играют с ними женщины.

Первые три месяца он и сам писем не присылал. Что-то у него не ладилось там. Потом пришла от него... эпитафия. С шуточками. Геройски охраняем ваш покой и что-то там из армейского лексикона. У них даже письма похожи. Подруги, у кого скотовозлюбленные на службе, все получили первые послания – с армейских лексиконом. Что такое дух и что такое дед... Когда им худо, они шутят совершенно одинаково. Дурость, серость и нелепость. Она ему коротко: жду, мол, ненаглядный. Ни с кем не того. К концу первого года от Шаталова послания пошли потоком. Она придерживала свой козырь, все ждала удачной ситуации. Игра шла как по нотам. Он, естественно, занервничал: почему не пишешь? Ты! Ты! Ты! почему-не-пишешь? почему-непишешьпочему-непишешь???? Она ему – загадочное письмо. То есть подробно обо всем, и как мама себя чувствует, и какие экзамены в институте, и сколько котят Мурка принесла. Только не о деле. Он, как и требовалось, рассвирепел. Все мужские хамство из него

полезло. Какая, пишет, такая Мурка? Какого черта ты мне голову морочишь? Я скучаю по тебе, скажи, что любишь. Вот тогда она метнула на стол джокера.

«Дорогой Шаталов!

Я не думаю, что тебе следовало волноваться. Все, что было между нами – несерьезно. Какие-то детские игры. Не понимаю, почему ты считаешь себя вправе допрашивать меня! Неужели ты полагаешь, что человек с твоим уровнем интеллекта (последние три слова подчеркнуты) может заинтересовать такую женщину как я? Тебе стоит пересмотреть свои взгляды на жизнь и самооценку, иначе ты вообще никого никогда не заинтересуешь. Люблю ли я тебя? Стоит ли напоминать: я никогда не произносила этого слова. Это ты обольщал себя какими-то беспочвенными надеждами. В последние месяцы перед уходом в армию ты был просто нестерпим. Я едва сносила твои неуклюжие приставания.

Вероятно, я поступила опрометчиво, вступив с тобой в переписку. Казалось бы, мы объяснились еще до твоего отъезда на службу. Я не сказала тебе «да». Я не сказала, что собираюсь стать твоей женой. Для взрослого человека этого достаточно. Но мальчишке требуются все проговорить вслух. Я совершенно не ожидала от тебя писем. И когда они начали приходить, с досады чуть было не выбросила первое же твое послание в мусорное ведро. Но мама уговорила меня пожалеть солдатику и развлечь беседами, ведь тебе там приходится туго. Я и пожалела, о чем, прости за каламбур, жалею до сих пор. В последнем письме я дала тебе понять: у нас ничего нет, все кончено. Но ты со своей обыкновенной самоуверенностью прислал какую-то несдержанную галиматью в ответ. Что ж, теперь, надеюсь, ты понял меня до конца. Прости, не хотела причинять тебе боль.

Твоя бывшая возлюбленная

PS

Я собираюсь выйти замуж за одного очень хорошего человека. С ним и только с ним я могу быть счастлива. Надеюсь на то, что в тебе есть от настоящего мужчины: мой муж ничего не должен знать о наших глупостях».

Собственно, Шаталов должен был стать ее седьмым. Счастливое число! Седьмым обманутым и разбитым.

Через месяц она получила ответ. Простенький конвертик с сакраментальным в/ч п/п... Странно, столь прозаическая оболочка хранит один из величайших триумфов ее жизни.

Родители привезли ей письмо на дачу. Что ж, она не стала простецки уединяться в своей спальне и нетерпеливо рвать конвертик. Победы следует выдерживать, как доброе вино. Победы следует смаковать. Для качественного переживания требуется идеальная обстановка. Дождавшись поздних летних сумерек, она отправилась на лодочную станцию, взяла старую посудину на час и выгребла на самую середину небольшого проточного озера.

Пятница, 10 июля. Стояла прекрасная погода. Безветрие, теплынь; вода уютна, как материнская утроба; у травы и водорослей установилась несколько неестественная межрасовая близость; зелень неистребимо буйствовала по берегам, забыв о предстоящей осени и ее губительном дыхании... Где-то вдалеке научные сотрудники несколько поблекшего возраста праздновали свидание со своей естественнонаучной матерью – природой. Запивали подгоревшие куски пашлыка дешевым красным вином. Вспоминали о фундаментальных временах КСП. Тогда все было ясно: существуют мудрые мужчины и прекрасные женщины, их судьба – творчество и любовь, до полной гармонии не хватает одного: сбросить со своей спины кучку жадных и жестоких дураков. Над темной водой летели слова старой нежной песенки «Милая моя! Сол-

нышко лесное...» Нестройный хор выводил ее мотив с таким самозабвенным старанием, с такой старозаветной веселостью, что вместо нежных акварельных тонов озерная тишь окрашивалась темной гуашью запоздалого прощания с юностью и еще густым маслом какой-то затаенной досады...

Теперь мы победили, почему же нам так плохо?

Через две ночи, в воскресенье, они уедут в Москву, хорошенько помыться перед свиданием с постылой работой. Таков установленный порядок: в воскресенье – ванна с теплой водой, в понедельник – работа.

Когда научные сотрудники отсутствуют, на озерке устанавливается необыкновенная тишь. Так хорошо, так мирно! А биоэнергетики говорят – аномалия. Если и есть тут что-нибудь аномальное, то это аномально высокий душевный уют...

Она надорвала конверт и бросила его в воду. О! Что это? Не его почерк. Не его, но знакомый. Развернула сложенный вчетверо тетрадный листок. О-о-о! Как же так... Быть не может! Этого просто не может быть, так не должно быть, так несправедливо! Она ведь честно переиграла Шаталова, он обязан валяться побитый и молить о пощаде. И... и... и что? Шесть-один, вот что. Шесть-один, а не семь ноль. Ее побороли, надо честно признаться. Если бы она не вскрывала это письмо, можно было бы засчитать ей победу по баллам. Какую-нибудь техническую победу. *Ей, а не ему*. Но сейчас она безнадежно проиграла.

Шаталов прислал обратно ее предыдущее письмо, не добавив ни слова. Не оставив ни единой приписки. Просто поверх ее летящих буковок он положил четкий отпечаток солдатского сапога. Кирзач сказал свою вескую фразу: «Ну и хрен с тобой, сука!»

Скомканная бумага прекрасно уместилась в ее кулачке. О, если б этого урода можно было так же смять, сдавить, и его голова вошла бы в плечи, а ноги сломались бы как спички...

Ты! Ты! Ты! Мерзавец, как отомстить тебе? Чтоб ты выл и катался, чтобы все твое гнилое самцовское нутро развалилось, чтоб ты огнем горел!

И вдруг она почувствовала: ее нежные пальчики опалило пламя. Ожог! Больно... Инстинктивно она всплеснула руками и увидела как отлетает в сторону пылающий комочек бумаги. И еще. В тот же самый момент ей послышалось, будто целый хор далеких, едва различимых голосов заливается злорадным хохотом. Или не послышалось? Кажется, хохотки стали слышнее, словно хор весельчаков переместился поближе. Они дразнили ее. Они словно бы насмехались: дуреха! ну, позлись, позлись, пообижайся – на обиженных воду возят. Она нимало не испугалась, а взъярилась еще больше. Комочек жженой бумаги плавал в ряске, повернувшись черным следом пламени к небу.

– Вы, твари! А ну покажитесь! – закричала она, но крик ушел как в вату, озерная тишь не приняла его, не стала разносить по берегам. На секунду она усомнилась в реальности происходящего. Цивилизованный человек не станет орать посреди пруда. Но ее эмоции пронесло вскачь мимо рассудка. Ярость лишь на мгновение сменилась недоумением, затем вновь выглянула обида и позвала гнев обратно. Скотина... разорвать его.

– Хи-хи-хи! – ответили ей почти у самого уха. Обидно, нагло смеялись невидимые свидетели ее поражения: мол, дура-дура! ай, дура! тебе же показали, что и как, ты же способна ему задать перцу, а все понапрасну яришься, как ему отомстить... да так! ты же наша... ну-ка вспомни хорошенько...

Тут она и впрямь кое-что припомнила. Бабушка... Да, бабушка была настоящей умелицей. Заговаривала кровь так, что даже самые глубокие раны скоренько переставали кровоточить. Отец как-то раз неудачно поскользнулся и упал в ванной, распорол левую ногу, кровь фонтаном. Бабушка пошептала что-то, помазала слюной и приложила серебряное колечко. Как быстро все унялось! Доктор бы так не сумел... Правда, через неделю отцу не повезло: среди бела дня пристали какие-то хулиганы, пырнули ножичком, да точнехонько по тому же

самому месту, только вдвое хуже. Рана загноилась, остался длинный некрасивый шрам. Впрочем, папаша сам виноват. Не надо быть рохлей. Дал бы им, как следует, был бы цел.

И ведь показывала ей бабуля какие-то приемчики – с травками, заговорами...

Смешки прекратились. Но тут уж она сама захохотала. И вата куда-то подевалась. Громкие икающие звуки понеслись над водной гладью. Интеллигенты гитарные разом поперхнулись своим «лесным солнышком». Видно перепугались, уловив на озере то ли вопли некоего гибридного зверя (помесь выпи с ишаком), то ли посадку неопознанного летающего объекта. Говорила ведь мама: «Не смейся при гостях».

«Солнышко! Лесное! Я у вас побуду на роли солнышка лесного! Я вам сделаю потеплее!» – она посмотрела в сторону зарослей, за которыми сидели притихшие шашлычники. Сконцентрировалась. Сухие от летнего жара кусты радушно улыбнулись ярко-оранжевыми языками пламени. И вопли, вопли, испуганные вопли, непознанное цапнуло научных сотрудников поблекшего возраста...

Теперь она знала, что делать. Значит, жива в ней старая кровь. Значит род ее непрост. Ну что же, не стоит отказываться от такого подарка. У слабой одинокой женщины всегда найдется с кем воевать.

Она вытащила лодку на песчаный берег, подняла тяжелое весло и лопастью нарисовала лежащую человеческую фигуру. Это он. Урод. Предатель. Она не знала, что и как делать. Не знала, какие слова произносить, какие танцы выплясывать. Но ее переполнял странный восторг и уверенность: все получится. Конечно, все получится... Только нужно попросить помощи, занять силы. И она встала на колени и воззвала к невидимому хору:

– Дайте мне! Дайте мне! Дайте!

Ничего. Только на противоположном берегу верещат любители красного винца.

– Дайте мне! Дайте! Дайте! Дайте!

Ничего. Лишь едва заметное марево несколько мгновений играло над камышами.

– Дай!

На этот раз, видимо, она обратилась, как полагается. Ее немедленно скрутила жестокая судорога. Тело изогнулось, вытянулось, волосы разметались по песку... Она вскочила на ноги и понеслась в неистовой пляске. Нечто помогало ей. Она делала жесты и прыжки, какие прежде не приснились бы ей и в страшном сне. Дикий, кошмарный барабанный бой звучал в ее ушах. Она выкрикивала фразы на незнакомом языке и тут же осознавала их суть. Вокруг фигуры... Laen t'he! Прыжок. Наен t'ha! Прогиб. Еще раз вокруг фигуры Шаталова... Laen ta t'he. Прыжок. Кувырок назад. Еще прыжок. А-а-а-а-а! Matt laen Nehell, do mej!

...Она очнулась на песке от боли в ноге. Кажется, теряя сознание, она упала не совсем удачно. Мышцы ломило от непривычного напряжения. Поднялась, огляделась. Весь соседний берег затянуло дымом. Из того места начертанной фигуры, где у нее, будь она человеком, стучало бы сердце, торчало весло. Хорошо отполированное руками гребцов дерево вошло в землю, наверное, на полметра. Из-под него вялой струйкой сочилась кровь.

Она удовлетворенно вздохнула. Да, Шаталов не горит огнем. И не разорван на части. Но она уверена: сейчас уроду и предателю очень плохо. Он, надо полагать, катается и воет от боли. Скорее всего, любимый подохнет. Так ему и надо.

«Ну что же, – подвела она итоги, – не будем играть в прятки. Не будем заниматься самообманом. Мы договорились. Я ваша».

Осторожно, двери открываются

11 июня, нестерпимо раннее утро

К утру от окна потянуло зябким октябрьским сквозняком. Любана проснулась и не сумела заставить себя вновь погрузиться в дрему, хотя часы показывали всего только пять. Рядом лежало качественное мужское тело. Тело Кирилла Бойкова. Бог весть, сколько ему лет. Не разберешь. На вид 30–40, но уж больно пронизателен, должен быть старше, старше... Осторожно откинула с него одеяло. Легонько погладила. Гладкая приятная кожа, матово поблескивает в лунном свете. Руки-ноги в темноте не разглядеть, но это тело она хорошо изучила за два года. Крупный, высокий мужчина. Спортивный. Торс у него, а не брюхо от члена до горла. Волосы когда-то, еще до нее, были чернее беззвездной ночи, теперь же покрыты искорками седого снегопада. Глаза... Глубоко карие, почти черные, странное у них выражение – такое можно увидеть у человека с большим багажом, который прямо на перроне разложил чемоданы и тюки, уселся, закурил, вроде бы расслабился, но в полглаза приглядывает за вещами: не ровен час... Бойков «приглядывает за вещами» день напролет, хотя и вечно невозмутимый, спокойный, даже чуть сонный, как сытый удав. Раньше она удивлялась, все ждала подвоха, потом привыкла. Шрамы должны бы украшать мужчину, однако не всегда, не всегда. У Бойкова – *настоящие* шрамы: один на бедре, глубокий, размеивающийся на несколько уродливых нитей, другой на боку: похоже на кошачью лапку, только кошка, вероятно, была баскетбольного роста... Странно, кто бы их мог оставить, на Бойкове все заживает, как на собаке, любой порез зарубцовывается почти моментально, а потом исчезает. Кошмарные все-таки шрамы, портят они Бойкова, на пляже, к примеру, она всегда испытывала чувство неудобства. У самого локтя – след пулевого ранения навывлет, что бы он там не говорил, она не дура и знает, какие дырки проделывают пули. Но это почти незаметно. А вот на шее, под левым ухом, совсем интересно: маленький, неправильной формы фрагментик кожи травянисто-зеленого цвета. Совсем крошечный, рублевая монета закроет его полностью. Бойков любит отпускать длинные волосы, хотя и не умеет за ними ухаживать; зелень закрыта от постороннего глаза. Она совершенно не представляет себе, что именно оставляет вот такие следы. Конечно же, не говорит, мерзавец, откуда гостинцы, а Любана достаточно повидала, понимает, когда спрашивать бесполезно. Первый муж, битый-ломаный авторитет из маститых воров, на пороге старости захотел покоя, семьи, легального бизнеса. Ну, почти легального. Неприятный мужчина. Очень много пил, запах у него был дурной. Тридцать лет разницы. Но со средствами. Она хорошо устроилась, как положено: была первой красавицей класса, школы, микрорайона, и замуж вышла удачно. Жила с ним четыре года припеваючи, как сыр в масле каталась. Иной раз, бывало, такие страшные люди в гости приходили, от них ужасом веяло. Но ничего, ко всему можно привыкнуть. Потом прознал о Мите Бархоткине, вызвал к себе в офис, прямо в кабинете фотографии показывает ей: «Что, сука, скажешь?» Она: «Мы с тобой современные взрослые люди...» Молча в нокаут ее послал и прямо так, не приводя в сознание, выбросил со второго этажа на цветочную клумбу.

Этот, второй, хороший, дельный мужчина. Деньги у него водятся порядочные. Потом, он моложе ее бандюги. В постели средний. Даже непонятно, любит он Любаню, или попросту насыщается. Отводит лишнюю энергию. Митя, конечно, и тут пришелся кстати... Митенька, мальчик, о! какой... какой! Мальчонка. Томлюсь по тебе. Правда, на деньги падок... Бойков до сих пор не унюхал ничего, слава богу, он совершенно не ревнив. Самый большой, пожалуй, его недостаток. Даже когда Любана кокетничала в открытую, позволяла озорным мужчинам дразнить ее прикосновениями, он смотрел и не видел. Впрочем, все-таки непонятно, непонятно: любит или нет. Кажется, она должна бы знать, опыта хватает. А вот... Супружеские обязанности с ним исполнять – одно удовольствие. Мелкое, обычное, но удовольствие. Как завлекательный фильм посмотреть. Внимательный, крепкий, с мылом помытый мужчина.

Откуда у него деньги? Говорит, безденежья не случится, покуда я жив. Ездит куда-то, пропадает на день-два, а то и на неделю. Ничего не рассказывает. Все смеется: «Служба такая. Зачем тебе знать о моей шпионской жизни?» Но не мент. Ментов она кишками чувствовала. Нет, не мент. Какой-нибудь секретный, в смысле безопасник. Да, так, наверное, и есть: из какой-нибудь безопасности. Знакомых приводит изредка, так они веселые, образованные, чуть шальные, сидят-говорят с таким видом, будто знают нечто важное, но ни за что не скажут. Словечки у них, недоговорки... Господа безопасники, одним словом.

Мысли текли с обыкновенной ленцой. На часах четверть шестого. Ей уже не заснуть. Не с чего Любане уставать. Она, конечно, числится в одном хорошем месте по рекламной части, но только для женской независимости. Два раза в неделю Любаня является в офис и вяло притрагивается к какой-нибудь работе. На всякий случай. Да и любят ее там... немножечко. Все остальное время дома, дома, дома, раза три в год на море, куда-нибудь в Грецию-Тунис, а в остальное время с подругами. Смех и грех, привела его показать, они: «Ну, хорош! Как ты его получила?» – а она и не знает, что рассказывать. Было время, после бандита, она сильно пила. Отключилась в баре, а очнулась уже утром, у Бойкова в постели. Не помнила ни как сошлась, ни имени даже, но это бывает. Лежит мужичина, гладит ее. Голова, конечно, побаливает.

– Здравствуй, крошка. Ты выпить хочешь? – протягивает ей рюмку коньяку. Дорогой, как положено, коньяк, шоколада кусочек. В голове беда поутихла. С утра она, конечно, ничего не хотела. Все тело и лицо не в порядке, антисанитария, место незнакомое... С другой стороны, домой, к родителям, нудные разговоры разговаривать, Любане тоже было ни к чему. На что тут решиться? Он, по всему видно, уже владел ею этой ночью, но, черт, как это происходило, хоть убей... А сейчас желает продолжить, поглаживает, поглаживает.

Бойков помог ее мысленной борьбе:

– Здесь есть душ. Ты сможешь остаться и никуда не ехать. В квартале отсюда приличный итальянский ресторан, мы ходим туда потом. Сегодня суббота, если ты сомневаешься.

О! Гораздо лучше, почти роскошное предложение. Она огляделась. В смысле завязывания знакомства обстановка оказалась перспективной. Солидные, дорогие вещи. Постоянной женщины нет. Сам... вполне. Голос глухой, глубокий. Очень порядочный голосок. Губы тонкие, она это любит. Вообще, лицо – как у мужественной профессии.

– Как тебя зовут, мужчина?

– Кирилл.

– Будем знакомы, я Любовь.

Улыбается.

– Ну что тебе сказать, Кирилл? Иди ко мне.

Впоследствии выяснилось, что на Любанину голову свалился истинный клад...

В этот миг луну в окошке загородила спина ее мужа. Она прежде испугалась от неожиданного мужнина движения, потом испугалась еще больше, увидев закрытые глаза, и лишь потом услышала: звонит телефон. Тело абсолютно спящего Бойкова среагировало на звонок почти раньше самого звонка.

На подзеркальнике стоял сувенирчик, подаренный приятелями супруга на свадьбу. Мраморно-латунный макет какого-то старинного телефона в натуральную величину; выдающийся по своей бесполезности канцелярский прибор. Элегантный, надо признать. Очень тяжелый, поскольку цельнокаменнометаллический. Так вот, звонил именно этот экспонат. Металлокаменный. Канцелярский прибор. Заливался тонким визгом. Господи, спаси и сохрани!

Бойков, не открывая глаз, подошел, снял трубку... Со спины у него совершенное тело, шрама не видно, настоящий бог войны.

– Бойков. Понял. Где? Когда? – и положил трубку. Повернулся к ней, улыбается, глаза пальчиками трет.

– Любаня, сделай кофе.

В борьбе супругов за верховенство актуальна каждая ситуация, даже самая малозначительная. Каждая минута, чуть ли не каждая секунда. Любана была в этом твердо уверена. Поэтому рефлекторно засопровтивлялась:

- Милый, может быть, ты все-таки объяснишь мне, в чем дело?
- Быстрее.
- Этот телефон...
- Быстрее!

Она покорила. Пошла на кухню с неприятным чувством. И на полдороги ее вдруг ударило: да не может мраморный телефон звонить... То ли нечистая сила, то ли полтергейст. Она обернулась к мужу, тот копался в столе, что-то искал, ответил на ее молчаливое стояние, даже не оборачиваясь:

- Живее ножками шевели.

Она почувствовала себя рабыней. Сделала кофе своему хозяину, очень неудобно, нельзя его шваркнуть как следует, полировка, разольется...

- А ну расскажи-ка мне, милый...

– Спасибо, – машинально бросил Бойков и опрокинул в себя крутой кипяток, нимало не закашлявшись, как водицу ключевую.

Она присела на край распаханной постели, смотрит на него, пугается все больше. Массивная крышка отлично знакомого ей старинного канцелярского стола оказалась хранилищем целого арсенала. Ну хорошо, пистолет и двенадцать обойм, знаем, не маленькие. Но металлический крестообразный предмет, который муж быстрым движением приложил к левому плечу, и плоть негромко чвакнула, погрузив его в себя... Но короткий ребристый жезл, какие-то манипуляции с ним проделал драгоценный супруг, добился щелчка, ослепительной магниевой вспышки, гудения, затем удовлетворенно повесил его на шею... заполучив это достойное место в пространстве, жезл моментально уменьшился раз в десять... Но старинная книга в белом кожаном переплете, ведь он какие-то слова к ней обращал, о чем-то просил, потом открыл на середине, и по всей комнате разнесся хохот дюжины вредных детишек... захлопнул и сказал:

- Твою мать. Скисла. Еще кофе. Шевелись.
- Милый...
- Давай-давай, – вынул стеклянную баночку с гелеобразной пастой.
- Чертов Бойков! Ты ответишь мне!

Он как рывкнет, и Любаню, совсем не мирную, и даже, наедине шепнем, стервозную женщину, вынесло на кухню в один миг. Просчитался Бойков в одном. Она столь быстро сотворила кофе, что успела, заходя в спальню, заметить, какой именно эффект бывает от сплошного, по всему телу, размазывания этой пасты. Перед ней на мирном стульчике сидел зеленоватый рентгеновский снимок – да-да, со всеми ребрами, лопатками, позвонками, – быстро превращающийся в привычного Бойкова.

– Кирилл! – она еще заметила, что между ребрами и прочей скелетной амуницией присутствуют какие-то слабораспознаваемые предметы, например, тот же крест в левом плече... Чашка, разумеется, сползла с блюда, супруг ее поймал прямо в воздухе непостижимо быстрым движением, выплеснул содержимое в глотку и с некоторым удивлением констатировал:

- Во-первых, холодный, во-вторых, соленый...

Как будто именно это было в сей момент самым странным!

- Ты хоть когда-нибудь мне, надеюсь, объяснишь...

– Чуть погодя... – и вслед за аттракционом с участием пасты произошли фокусы с применением старинной бутылки, хрустальной по виду, пояса, надев который милый походил по стенам, и металлической пластины с узором... ее Бойков кинул на пол, рядом с давешней хохочущей книгой, после чего обе тихо растворились в воздухе под мужнин комментарий:

- Надо же, и это протухло!

Она лишь пассивно наблюдала за представлением, из последних сил надеясь, что в конце концов Бойков рассмеется и объявит: «Антракт. А теперь сложим бутафорию на место. Что, сильно я тебя напугал, Любаня?». И жизнь, старая добрая прочная жизнь их с Бойковым пары, почти настоящей семьи, с характерным стуком вправится в прежний сустав.

Ничего этого, конечно, не произошло. С антресолей немедленно явился чемодан с полевой-походной одеждой мужа. Никогда прежде не водились на антресолях чемоданы. Кое-что мерзавец немедленно вытащил оттуда и оделся с армейской скоростью.

Откуда-то из оконной рамы Бойков вытащил... живое или нет? Немного похоже на экзотическую рыбу, вся она в колючках, на морского ежа похоже, еще... еще... ну, если бы несколько десятков ключей, прикрепленных к одному проволочному кольцу, растопырились наподобие того же морского ежа во все стороны и по ним проходила волнообразная рябь... тогда... вот на что было бы похоже. Как раз на это. Бойков читал над... ключеежом молитву. Или ей показалось? В комнате явственно запахло ладаном. Внутри живой металлоконструкции раза четыре вспыхнуло. Милые такие вспышечки: розовым, голубым, зеленоватым. Как светящиеся мотыльки. Глядя на них, Бойков расставлял пометки на... карте? Да, на карте, он расстелил ее одним движением на столе. Неожиданно среди мотыльков полыхнула огромная ночная бабочка, может ли абсолютная чернота светиться? Может ли вспыхнуть черным? Кирилл отпрыгнул. Она даже немножечко восхитилась: оказывается, и его можно испугать...

– Ты не упырь какой-нибудь? – Любаня всегда считала себя современной культурной женщиной, но ведь когда такое творится! Сейчас, поди, оскалится, как Майкл Джексон.

– Нет, – совершенно серьезно ответил Бойков, подошел к мраморному телефону, снял трубку, ногтем щелкнул по полированной поверхности камня. Надо полагать, на том конце нашелся некто, способный управляться с подобными игрушками.

– Петрович, доброе утро. Уже. Понятно. Нет, к тебе. Настрой-ка свой индикатор и повозись до моего приезда. Я удивлен. Обычные неприятности, но помимо них значительный зеленый лепесток, да еще черный. Да, да, черный. Не оговорился. Никогда такого не видел. Видимо, с этим и связано... Минут через сорок.

Закончив разговор, муж повернулся к Любане:

– А теперь займемся тобой.

Она испугалась до полной потери здравого рассудка. Одна мысль была у Любани: «Маньяк. На ремни порежет и в толчок спустит!» Кинула в него традиционным телефоном, который плавно притормозил на середине пути к ненавистной роже и рассыпался в песочек.

– Не бойся, я твой муж и я не сделаю тебе ничего плохого.

«Быстро зарежет, не станет мучить».

– Я работаю в русской команде Интерпола против особо опасных международных террористов. То, что ты видела, новинки военной техники. Они неизвестны в России почти никому, даже федеральная безопасность не имеет о них представления. Так что не пугайся, ничего сверхъестественного.

От сердца у нее отлегло. Наука, это да. Она все может. И лучшее, конечно, у военных. Понятно. Про это много фильмов еще есть. Не зарежет. Голос какой у него уверенный, ровный. Раньше Бойков никогда не говорил так правильно, даже книжно. Успокоил, одним словом.

– Милый...

– Слушай меня внимательно. С этого задания я могу не вернуться. Если я не приду домой через две недели, значит я мертв... – он достал из чемодана конверт, надорвал красивую голубенькую бумагу, вынул целую пачку документов и продолжил:

– Вот свидетельство о моей смерти. Коллеги пришлют тебе все необходимые справки, подтверждающие мою кончину, и укажут, в каком колумбарии Николо-Архангельского кладбища захоронена урна с прахом.

– Милый?

– Слушай меня. Тебе надо будет перебраться в другую квартиру... цыц! Отличная квартира ничем не хуже нынешней. Так. Это, это и это удостоверяет факт твоего полного и безраздельного владения новой жилплощадью. Вот ключи.

– Милый!

– Слушай меня, слушай! Я отлично понимаю, безутешную вдову не худшим образом примирит с горькой долей малая толика денег, оставшихся от покойного супруга. Здесь двенадцать тысяч долларов мелкими купюрами.

У Любани в голове живо зароились планы, планы, планы. Сколько скрытых возможностей предлагает ситуация! Две квартиры...

– Об этой квартире забудь. И помни: совершенно не стоит рыпаться с бумагами, со всем прочим. Деньги можешь тратить хоть с сегодняшнего дня, а вот документы пустишь в ход только через четырнадцать суток. Строго. Если я вернусь в срок, придется отдать все до последней бумажонки. Молчи обо мне и делай, что велено. Иначе тебя в один день порежут на ремни и спустят в толчок. Целуй меня.

Поцеловала. Роскошно поцеловала, вся вложилась в этот поцелуй. Что-то подсказывало ей: странный, богатый и очень сильный мужчина Кирилл Бойков навсегда уходит из ее жизни. Когда они оторвались друг от друга и перевели дух, муж, усмехаясь сообщил ей:

– Здесь ты всегда была много лучше меня, Любаня. Вот прощальный тебе мой подарок: не связывайся больше с Митей Бархоткиным. Во-первых, он подаивает, кроме тебя, еще трех козочек. Во-вторых, у него есть экзотическая судимость. За канибализм. На свободе Митенька только потому, что его сначала признали невменяемым, а потом выкупили из клиники... По моим сведениям, он не совсем излечился. Прощай, наверное.

– Это... это... ты... все это так неожиданно свалилось на меня!

– И на меня... – он сделал паузу и несколько отстраненно прокомментировал:

– Боевую готовность по форме 2 сто шесть лет как объявляли в последний раз...

Так Любаня осталась без мужа. Когда она закрыла дверь за Кириллом, на часах было 5.40...

Визит ужаса

10 июня, вечер

Подмосковный рабочий поселок Электрозавод приобрел свое нынешнее трюндящее имя в конце тридцатых, незадолго до войны. Прежде это была деревенька Спасская на двадцать пять дворов. В 1892 году Алеша Кречетов, смолodu ушедший из родных мест со скандалом, привел в Спасскую приказчиков, инженеров, мастеровых. Оказалось, вышел в большие люди по чайной торговле. Младшей сестре, уже было смилившейся со спокойной судьбой вечной девицы, купец даровал приданое, а на окраине деревеньки выстроил большую церковь красного кирпича. Храм возвели в русском стиле, под византийско-московские древности, как любил государь Александр III. Говорят, работал ученик столичного архитектора Тона, того самого, что возвел Большой Кремлевский дворец. Спасская церковь вышла чудо как хороша: может быть, чуть тяжеловата, неуклюжа, но и народ в этих местах оказался под стать ей – все больше здоровяки, безо всякого городского изящества; так что местные храму очень даже сочувствовали, дескать «Крепкая церква, стоит крепко». А сколько на церковных стенах украшений из точеного кирпича! Здесь – башенка с затеями, там – узорный наличник, а вон еще кокошники, кокошники! Собственно, по храму-то и стали называть деревеньку Спасской, прежде была она Сысоевой, бог весть, почему. Церковь оказалась слишком большой для деревеньки, но сюда стали ходить на службы со всей округи, а проезжие сворачивали с большака, чтобы полюбоваться ею. Правда, земский врач Ипполит Кириллов, обойдя церковное здание, принялся ругаться: мрачное де, а что в русском стиле, то и стиль вышел без настоящего чувства, а так, псевдо... Зато столичный художник, знаменитый уже в ту пору Аполлинарий Чернецов, специально приехал ради Спасского храма, ходил-ходил, смотрел, махал руками, улыбался, долго молился внутри, да и всем знакомым рассказал, какой молодец этот Тонов ученик, как точно место выбрал, на холме, у реки, как душа радуется хитрой и ласковой церковке... Словом, деревенька прославилась.

Через три года после революции богослужение в Спасском храме прекратилось. Стоял он пуст, ободран изнутри, неприбран снаружи и, как говорили местные жители, «без пения». В 1930 году Спасскую, да хутор Озерки, да ближе село Никольское (названное так тоже по церкви – старенькой, еще времен матушки Екатерины, освященной в честь святого Николы-угодника, с кургузой колокольною) объединили в большой колхоз «Восход». Десять лет во всяческих официальных бумагах Спасскую-Сысоеву именовали этим самым Восходом, причем окрестные старожилы все норовили, помня женское естество ее имени, перекрестить деревеньку то ли в Восходную, то ли и вовсе в нелепую Восходню. Во второй пятилетке сюда вновь нагнали рабочих, инженеров, да были и сидельцы. Копали-строили, покуда не вырос в километре от заброшенной церкви завод «Электроприбор».

Вместе с заводом в местную жизнь пришло много нового: провели электричество, поставили две улицы деревянных общежитных бараков, а на том месте, где они перекрещивались под прямым углом, образовалась площадь имени 20-летия Октябрьской революции. Здесь же выросло и третье каменное здание – помимо церкви и завода. Назначение его при старом режиме определить было б легко – присутственные места; теперь же здание закодировали двумя непривычными аббревиатурами: горком-горисполком. На окраине в двух бревенчатых казармах расположилась красноармейская часть. Перед самой войной к заводу протянули узкоколейку и хорошую шоссейную дорогу. При дорожных делах сейчас же завелись автопарк, мастерские, склады. Спасский храм, к слову, как раз определили под складское помещение железнодорожников. Поскольку народу набралось к тому времени совсем уже немало, открыли школу, больницу, а потом расщедрились и на большой рубленый клуб «Прогресс» – как раз напротив горком-горисполкома. В клубе выступали заезжие лекторы, но чаще бывали

вечера с музыкой, гуляния и праздничные торжества. Станным образом превращение рабочего поселка Восход в город совпало с учреждением у самых клубных задов колхозного рынка. Шел как раз 1940 год. Сверху спустили решение: считать деревеньку, да складской храм, да завод с мастерскими-парками, да воинскую часть, да рынок, да барачные улицы со славной площадью – городом. Выбирая новорожденному городу приличное название, начальственные инстанции, как видно, долго колебались. Поэтому в редких дошедших до наших дней документах того дисциплинированного времени, вопреки всеобщей тяге к порядку, проскакивает явственная чертовщинка: то именуют свежий советский полис пресным словом «Восход», то, отдавая дань научно-техническому прогрессу, зовут его «Электроприбор», то как-то попросту, без затей, – кличкой «Заводской»... словом, не важно. Победила точка зрения, учитывавшая местные реалии – далеко не все знали, что такое «прибор», а вот что такое «завод» разъяснять не приходилось, во-он он, промышленное сердце, житница индустрии, кирпично-трубный красавец. Так и вышел город из начальственной купели – Электрозаводом. О войне говорить, пожалуй, не стоит. Не поминай черта – явится! В 1965 г. на площади между клубом и горком-горисполкомом появилась стоячая мраморная плита с золотыми именами... Да и жителей примерно в ту же пору стало не меньше, чем в далеком 40-м. Соответственно, барачная тина разошлась, давая место шести девятиэтажным каменным цветкам стандартной конструкции... Еще лет через пять один из старых бараков преобразовали в краеведческий музей; музей вышел такой жа-алобный, но все-таки музей. Тамошний директор, человек начитанный, интеллигентного происхождения, напечатал в областном краеведческом сборнике статью о Спасском храме. Сам же обескрещенный храм все стоял, погруженный в печальное и укоризненное молчание...

Сколько российских городов примерно тогда же и при тех же обстоятельствах родилось, примерно так же коротают свой век? Имя им – легион. Открываешь энциклопедию «Города России» и находишь на первую литеру унылую череду близнецов-братьев: Абаза, Абакан, Абдулино, Абинск, Агрыз, Адыгейск, Аксай, Алагир, Алзамай, Артемовск, Ахтубинск... Электротгорск, Электросталь, Электроугли...

После 1991 года Электрозавод поистине преобразился. Во-первых, главную площадь переименовали в Юбилейную, превратив, таким образом, ее прежнее имя в зашифрованное эзотерическое знание. Во-вторых, завод закрылся. Напрочь. Роль сердца городского принял на себя рынок. В-третьих, открылся Никольский храм. Он хоть Спасскому и не чета, да и далеко до него от города, однако ж звон колокольный многим поднял настроение... Ну а Спасский? Чудо это? Вцепились в него железнодорожники мертвой хваткой, чуть только не запалили, лишь бы не отдавать. Да и музейный директор заявил, дескать, не возвращать же попам, как его тогда научно охранять и изучать? Представляет большой исследовательский интерес... Невозможно ограничить доступ ученой общественности в связи с практикой отправления обрядов... Как раз через неделю после этой самой статьи, напечатанной в газете «Рабочие будни», колокольня-то и рухнула. Экая развенелась в ту пору полемика! Раз вышли все в той же газете на одной полосе три заметки. Первая, некоего ветерана, с титулом «Не забывать о духовном наследии!» призывала реставрировать храм и перенести туда музей. Вторая принадлежала личности, беспредельно знаменитой в кругах окрестной интеллигенции. Экс-лектор курсов «Народное просвещение», экс-целительница, экс-создатель неформальной духовной группы «Овладей своим телом», а ныне учредитель Коммерческого центра «Махакала» по изучению биоэнергетики – Марина Марковна Блатская, больше известная под именем мать Марина, не смогла молчать. Сколь сильно всколыхнул всех тамошних передовых людей ее текст! Мать Марина напонила, как жгла еретиков христианская церковь, и что важно сейчас этого не забыть. А то, знаете, девятый вал мракобесия ныне! И вот как они еретиков сжигали, так и храм бы надо ритуально спалить. Чтоб уж раз навсегда покончить с самим соблазном. Мать Марина не забыла похвалить за прежнюю решительность оторопевших было железнодорож-

ников и очень умственно назвала свою статью «Очистительное пламя». Третью заметку принес суровый командор стачечников Степан Махов. Название маховского текста вышло воистину говорящее: «Завод закрыли, хоть храм откройте!» – точно так, все или почти все было там про завод, обнищание народа и зреющую угрозу вооруженного восстания. Заодно Махов требовал открыть церковь. Начальство, желая предупредить негативные предвыборные последствия, приняло соломоново решение: позволить богослужение в Спасском храме по большим праздникам, вообще же закрыть его на реставрацию. Пусть будет филиалом краеведческого музея, а чтоб чего не вышло, одному из музейских экскурсоводов выплачивать полставки как церковному сторожу.

Угрюмый и жутковатый «электрозаводский инцидент» случился по прошествии четырех лет после памятного указа местного руководства. 10 июня в восемь вечера выпал снег.

Нет, далеко не во всем городе, а район так и вовсе не задело. На узкоколейке, у пакгаузов неожиданно распространился лютый холод. Лужицы, что после недавнего дождя, покрылись ледяной коростой. Поначалу этого никто не заметил. Городская окраина, понятно. Да и участок, пораженный внезапными заморозками, оказался невелик: может, двести квадратных метров или около того. Сыпануло мелким градом, закружились редкие снежинки, потом все и гуще и гуще, покуда не завьюжила страшная метель...

По всему городку завывали собаки. Впрочем, голос они подавали совсем недолго. Метель еще не набрала полной силы, а вся мелкая и мельчайшая скотина, какая водится в райцентровском захолустье, – псы, коты, куры, козы, что там еще – понеслась, выскакивая из-за заборов, прыгая с подоконников и покидая подвалы, в направлении, противоположном пакгаузам. Слава Богу, зверье сохранило бесконечно древние представления о том, что именно может оказаться смертельно опасным... Людей, к несчастью, этот драгоценный инстинкт совершенно оставил. Ну наблюдали некоторые из горожан скотские бега, ну увидел некто фрагмент необычайного природного явления, что с того? Какие-такие стихийные бедствия могут стрястись в глухом дальнем Подмоскovie? Не попрет же природа против законов физики, не полезет же она в драку с наукой и техникой!

Один школьник рассказывал впоследствии, что выюга сошла на нет в считанные минуты. Приличных сугробов-то не намело. Сей же час буйство снежных светлячков сменилось чем-то необыкновенно странным. Школьник даже испугался постфактум, поскольку страх моментально прихватывает душу только в тех случаях, когда принимает какое-нибудь хорошо знакомое обличье. А тут... Словом, несколько секунд прямо над рельсами стояло марево, а потом столбы с изоляторами по обе стороны от полотна поплыли к земле, как свечной воск от пылающего фитилька... только во много раз быстрее. Вот на что похоже, – запинаясь рассказывал школьник, – это когда на уроке рисования сказали пользоваться акварельной краской, а на лист капнула вода. Так потечет, потечет... Неровный плац, образовавшийся в том месте, *потом* очень заинтересовал химиков: надо же, никакой термической обработки, никакого повышения температуры, как же вышло, что дерево, металл, керамика и почва с растениями, сплывались в единую прочную корку?

...Мальчишку будто ветром сдуло, и никто не видел, как Завеса материализовался в Среднем мире. Над кипящими и булькающими останками столбов, рельсов и шпал сгустился туман серебристо-серого, металлоидного оттенка. Клубящийся кокон оставался бесформенным совсем недолго. Он истончался, истончался и в конце концов истончился до совершеннейшей плоскости высотой метров двадцать, изогнутой полукругом. Это напоминало кучевое облако, поставленное набок, спрессованное до микротолщины, и продолжающее беспокойно распадаться на клочья, длинные языки, слоистые дымки, но уже в виде собственной двумерной проекции. Рваные края полупрозрачного «экрана» загибались внутрь бахромой и лениво колыхались – как занавеска от сквозняка. В точке, которая стала бы центром круга, будь полукругий два, появилось существо, похожее на крупную мохнатую собаку, а именно кавказскую

овчарку... хотя и не было ею: симулякр пса не оставлял следов, не раскрывал пасть, а шкура его отливала нержавеющей сталью.

Завеса медленно сдвинулся с места и поплыл. Псевдоовчарка неторопливой рысью отправилась побродить по городским улицам, и экран перед нею сметал все на своем пути, но не быстрее собачьей рыси. Поэтому те, кто догадался выскочить из дома и со всех ног убежать, бросив нажитое добро, кроме того, что вошло в карманы, – все они имели отличный шанс спастись... Горожанам здорово повезло: всего-навсего овчарка, а могла быть ворона или, скажем, лошадь. А они как поскачут, как полетят!

...Редкие в электrozаводском захолустье мотоциклисты имели порядочную фору, не говоря уже обо всех тех, кто вел в этот момент машину. Надо было сделать только одно: развернуться и нестись прочь на полном газу. Разумеется, додуматься до панического бегства могли только умники, привыкшие соображать крайне быстро, или, напротив, полные идиоты, совсем не успевавшие подумать, что мебель пропадет, да и прочее барахло, да еще с машиной, стоящей в гараже, да и книги, книги-то как же, еще бабка начала собирать! Никакой тревоги, или, скажем, эвакуации, передать не успели. Через полчаса после того, как Завеса ушел от пакгаузов, по трансляции испуганный голос проблекотал нечто в этом роде, но к тому времени добрая треть города перестала существовать; к тому времени расстались с земным существованием полторы тысячи электrozаводчан, а всего их по последней переписи числилось тысяч девять. Погибшие, по большей части, не знали, что именно их убило. Грохот, крики, потом стены собственной квартиры делают из тебя фарш... кое-кто спал и проснулся только для того, чтобы осознать себя фаршем – на несколько последних мгновений оборванной биографии. Как ни крути, а жизнь в наши дни тягачет человека, крепостит его к одному месту, одной работе, сажает его на длинный поводок: на какой бы дальний курорт он не уехал, а дернет за поводок начальство, и летит он скоренько обратно. Так трудно ему оторваться от жилплощади, и побежать, куда глаза глядят, сберегая собственную шкуру! Так трудно ему, увидев опасность, прокричать «спасайся, кто может!». – Как ведь еще посмотрят на него соседи, знакомые, родня, если спастись не стоило? Есть же люди, которым положено спасать, оборонять и тому подобное... Вот пусть они нас и спасают.

Уберечь Электrozавод от гибели должно было районное отделение милиции, которое, как на грех, располагалось по адресу Молодежная (быв. Комсомольская), дом 12. Его накрыло через четыре минуты после начала Завесиного марша по городу. Никто из милиционеров не спасся, никто даже не успел отдать какой-нибудь команды или схватиться за штатное оружие... Потому что Завеса двигался как раз по Молодежной улице. Собственно, пес не видел перед собой никакой улицы и его вовсе не интересовало, скажем, где проходит уличный фарватер и в каком порядке поставлены шеренги домов. Средняя точка полукружия перемещалась как раз по линии, по которой выстроились фасады зданий на нечетной стороне. Было в этом нечто невообразимо жуткое: кто-то идет по улице, домов не замечая, плечами их расталкивая, лбом расшибая... Левое крыло «экрана» убивало дворы, а правое доставало до четной стороны и превращало ее в такой же винегрет, что и нечетную. Достало оно и РОВД... Дежурный у входа и один из старших офицеров успели увидеть причину собственной смерти.

Это выглядело примерно так: полупрозрачная дымная стена, перед которой предметы теряли свои естественные очертания, будто в телевизоре, на экране, шла полоса помех; самые большие здания за несколько секунд до подхода этой волны взрывались изнутри или попросту разваливались на куски, как будто строительные материалы моментально теряли связь друг с другом; за «экраном», едва-едва различимо, виднелась помойка, каша, состоявшая из дроботно измельченного *всего*, встреченного Завесой, – в полосе на метр, примерно, в глубину и на полсотни метров над асфальтом. В целом процесс напоминал пищеварение и выделение: зубы, желудок, анальное отверстие. Кстати, много милиционеры увидеть не могли: за несколько мгновений до того, как дом попадал в полосу искажений, внутри него предметы начинали вести

себя странно – чайник носился по комнате, кошачья подушка атаковала сервант, батарея таранила книжные полки, домкрат терся о хозяйские брюки, а телевизор самопроизвольно включался. Как будто Завеса пыталась утешить и позабавить местных жителей кратким веселым полтергейстом – перед неминуемой гибелью... Но от глаз милиционеров все это было закрыто стенами и обоями на стенах. Ни один, ни другой не стояли в коридоре РОВД, и лишились удивительного зрелища: плакат со стенгазетой медленно парил в воздухе, как космонавт в невесомости, а банкетки устроили уморительные бега.

...Дежурный метнулся к дверям и даже выскочил на улицу, но тут его накрыла полоса искажений. Бедняга споткнулся на ровном месте: одна его нога и часть бока истончились и потянули беглеца куда-то в сторону... Он поднялся и сделал еще один рывок, уже завывая от страха. Но не смог подняться: живот сплавил с землей. Несколько мгновений дежурный дрыгал руками и ногами, пытаясь все-таки встать. Потом экран растворил все то, что могло в нем думать, бояться и дергать мышцами.

Майор Панкратов умер легко: он увидел нечто в окне, и сердце его остановилось, не дотянув до отставки и пенсии. Остальных поубивали кирпичи, стекло, кафель, арматура, в один миг взбесившиеся и... то ли вскипевшие, то ли затанцевавшие.

Одновременно Завеса воздействовал на несколько объектов, находившихся в отдалении от его маршрута, например, на хутор Озерки, в четырех километрах от города, на кладбище и воинскую часть, которая стояла на противоположной окраине. Военные, кстати, успели объявить тревогу. Отважный человек, капитан Коротков, не боясь начальственного гнева, нажал на кнопку сирены. Ему показали клубы дыма (пыли) в отдалении, он позвонил дежурному по РОВД, оно как раз где-то там, но поскольку дежурный уже не существовал в виде человека, отвечать было некому. Тогда Коробов и проявил добротный офицерский инстинкт. Сирене благодаря, солдаты и офицеры в карауле, на часах, на всяческих работах, в боксах, в казарме и в столовой успели испугаться как следует. Через минуту на территории части все начало рваться в мелкую пыль: ограда, строения, те же боксы в парке... Не тратя драгоценных секунд на напрасные размышления, люди бросились в рассыпную, и это многим спасло жизнь. После серии взрывов все, что еще стояло, оплыло к земле точно также, как столбы на узкоколейке. Те, кто не успел убежать, окончили жизнь этим странным способом. Тяжелая техника исчезла. Ни бронетранспортеры, ни разведывательные машины, ни даже кунги связистов не были обнаружены в том месиве, которым стал образцовый армейский порядок... Лишь через несколько месяцев строители на глубине 6 метров откопали неровный и полый внутри слиток брони размером с БТР. Остальное, видимо, ушло в землю глубже. Короткову присвоили какую-то медаль. Посмертно.

Кладбище тоже превратилось в слиток. Горного хрусталя или чего-то прозрачного в этом роде, но намного прочнее стекла. Площадь в несколько сотен квадратных метров и толщиной метров пять. Удивительно: поверхность этой сверкающей линзы оказалась фантастически ровной, как каток. Необыкновенно красиво! Местный крематорий, магазинчик похоронных принадлежностей, мастерская плиточников, сторожка и автостоянка превратились в отдельные участки линзы, внешне неотличимые от всего прочего. Со всеми, разумеется, служащими, посетителями и мертвецами.

Об Озерках речь пойдет ниже.

В конце длинной Молодежной улицы, у самой площади Юбилейной, стояла патрульная машина в боевой раскраске российской милиции. Здесь оказали попытку сопротивления. Один из милиционеров, сержант, выпустил четыре пули в дымную стену. Выпустил бы и всю обойму, но не успел. Он сам, его табельный пистолет и транспортное средство превратились в белесую золу, покрутившуюся легким смерчком и рассеявшуюся по асфальту. Впоследствии секретные специалисты подчеркивали два факта: во-первых, сержант Марчук не мог не попасть, но вряд ли причинил Объекту Экран какой-либо урон, поскольку движение Объекта не замедли-

лось. Во-вторых, Объект заметил стрельбу и принял меры к устранению угрозы огневого контакта. Что из этого следует, Бог весть. Не секретные специалисты довольствовались версией о стихийном бедствии, составленной, главным образом, на основе показаний второго патрульного, старшего сержанта Восканяна. Сама возможность дать эти самые показания появилась после того, как старший сержант Восканян, не чуя под собой ног, пересек Юбилейную площадь и пронесся еще порядка километра. Не оборачиваясь. За проявленную мудрость и предусмотрительность его не раз впоследствии хвалила родственникам жена. А чтобы армянская жена хвалила родне армянского мужа – это редкость почище метели в июне. Может, она его любила? Несекретным специалистам стало известно следующее: произошел бесконечно редкий для устойчивой Среднерусской возвышенности тектонический сдвиг; в результате локального поднятия земной коры, вероятно, имел место выплеск лавы, а также особых химически активных веществ, необычным образом повлиявших на некоторые зоны в городе Электрозавод; к сожалению, в настоящий момент, ввиду разрушений на военном объекте, находившемся в пределах городской территории, значительная часть названных зон оцеплена по периметру армейскими подразделениями, и доступ для исследователей несколько ограничен; очевидцы, утверждающие, что по городу прошествовали некий живой экран и железная собака, вероятно, оказались свидетелями движения поднявшегося пласта, а поднявшаяся пыль способствовала формированию устойчивых иллюзий («наши коллеги психологи подвергли всестороннему изучению данный аспект феномена»); в целом так называемый «электрозаводской инцидент» представляет огромный интерес для науки, прежде всего – геологической, и нельзя не сделать вывод о перспективности дальнейшего углубленного исследования этого необычного природного явления; но, конечно, совершенно беспочвенны слухи о какой-то сверхъестественной чертовщине, распускаемые в связи с вышеназванным событием некоторыми безответственными личностям.

В столичных газетах муссировалась иная идея. Демократический еженедельник «Звон свободного слова»: авария на военном объекте. Вот оно, наследие советского ВПК! Коммунистический еженедельник «Российские советы»: авария на военном объекте. Вот до чего довела советский ВПК нынешняя колониальная администрация! Патриотический еженедельник «Завтрашняя держава»: как бы авария на военном объекте. Вот как вымаривают русский народ по указке из-за океана! Еженедельник «зеленых» экологов «Птичье молоко»: вновь авария на военном объекте. Вот как губят нашу природу!

«Русский Нетопырь», полуподпольный сетевой журнал консервативного авангарда, поместил в очередном номере сенсационную информацию: небезызвестный резидент оккультных сил мать Марина – внучка по прямой 2-го ландфюрера в организации арийских магов «Ультима Туле». Известна ее сатанинская ненависть к местной православной святыне – Спаскому храму. Вот, прочтите-ка статью «Очистительное пламя»... Теперь ясно, чьими потугами был вызван катаклизм, не достигший цели, но погубивший самое мерзавку! Полуподпольный бастион света «Ветхий университет» немедленно поместил на своем сайте горячее одобрение: «Да, мы давно знали ее подноготную! Она не только внучка, она и наследник черной Силы...» И это было, пожалуй, в двух шагах от правды. Мать Марина действительно оказалась вовсю замешанной в июньской бойне. Как раз в тот момент, когда сержант Марчук утратил антропоморфные габариты, из клуба высыпали ее ценители, привлеченные необычным шумом. Они явили вечернему солнышку презабавное зрелище. Мать Марина вела в «Прогрессе» очередной семинар по бодиартингу, т. е. искусству живописи на обнаженном теле. Какова оказия! Сорок ее любимцев и любимиц выскочили на улицу наги, босы, все с ног до головы покрыты буйными лубочными абстракционизмами, все в эфирных трепетаниях либидо. Ни у кого инстинкт самосохранения не сработал: Завеса был в полусотне метров, следовало бежать сломя голову. Нет же, вытащили мадам, наперебой заверещали: «Оборони! Оборони!» Марина Марковна и впрямь умела кое-что, и не стоит здесь марать ее светозарную репутацию, уточняя у кого, да

при каких обстоятельствах она обучалась, и за какие прегрешения Творец отметил ее бельмом на оке. Но что могла понять и сотворить слабосильная придонная рыбешка, когда такие асы как Зеленый Колокольчик и Кирилл Бойков боязливо недоумевали по поводу твари, выскочившей из Преисподней! Мать Марина сцепила пальцы обеих рук замком, вывернула их внутренней стороной к монстру и быстро-быстро зашептала единственное заклинание, которое помнила со времен двадцатилетней давности: «Ту-цал, ки-хут, мах-ша»... Видимо, это действие также может быть названо попыткой сопротивляться, но Завеса ее проигнорировал. Не прошло и полминуты, как от всего семинара во главе с гармоничной лампадой эзотерики осталось мокрое место. Свидетели впоследствии только и могли сообщить, что небезызвестная госпожа Блатская нечто вытворяла посреди большой беды. Слухи дошли до сетевиков, те сопоставили факты, ну и...

А в целом, «электростанционный инцидент» прошел почти незамеченным. И слава Богу. Не стоит хрупкому человеческому разумению испытывать нагрузку на излом от некоторых фактов. Подобные факты известны исключительно совершенно секретным специалистам и лицам, уполномоченным принимать решения. Да и те все больше стараются забыть, забыть, забыть... Ну вот хотя бы хутор Озерки, поблизости от Никольского. Восемь домов, частью заброшенных, да пост какого-то, прости Господи, гидронадзора, да ферма, жестью крытая, да маленькое сельское кладбище. Все это сгнуло. Нет, никаких разрушений, никакого «горного хрусталя», и под землей никаких тяжелых металлических предметов не оказалось. Здесь Завеса применил особую технологию, надо полагать, весьма энергоемкую, поскольку впоследствии нигде и никогда он ее не использовал. Озерки были срезаны ровным движением колоссального невидимого ножа, как срезают грибники плотный боровик – под самую грибницу. Верхняя, «срезанная» часть хутора (то есть восемь домов, пост, кладбище и ферма) исчезла. «Объект Грибник», как значилось в совершенно секретных папках, положил ее в свою невидимую корзину и унес в неизвестном направлении. Чуть-чуть пожадничал: пропала вся верхушка холма, на котором стояли Озерки. Осталось, на память о хуторе, немного. Нижняя часть сарая, поставленного в низинке, на отшибе, а потому всего-навсего лишившегося крыши, да скудное стадо коров, устроившее вечером возмущенный вой, не найдя постоянного места жительства...

Завеса прошел Юбилейную площадь из конца в конец. Гибель ее поразила оставшихся в живых горожан больше, чем что-либо иное. Все-таки на площади были сосредоточены дома и предметы, наделенные в общественном мнении большей или меньшей святостью. Например, тот же клуб, там ведь наука и культура. Или горком-горисполком, счастливо превратившийся в мэрию, там ведь государственная власть. Странно и соблазнительно, что все это разорено до тла! Паче же всего прочего изумило разрушение плиты, поставленной в 1965 году. Допустим, разные сейчас бытуют мнения о минувшей войне. Но все-таки лишь мерзавец или сумасшедший решился бы повести себя оскорбительно по отношению к памятнику павшим. Есть в мраморной плите и словах, на ней писанных, нечто необыкновенное... Молодожены приезжали сюда, чтобы возложить цветы, постоять, помолчать, а более того соприкоснуться с незримой силой, которая, как мнилось, водится в памятнике. Пожалуй, электростанционцы сочли бы естественным, если б в ошеломляющем хаосе разгрома плита и пятачок вокруг нее царили с незыблемой сохранностью. Но нет, канул и памятник.

За Юбилейной Завеса нашел заводскую ограду. Он ненадолго приостановил свой неумолимый ход, то ли собираясь с силами, то ли предвкушая экзотическое удовольствие, которого с давних пор был лишен. О, сколь долго пришлось ему бездействовать! В прошлый раз, под солнцем полдневным, в жаркой и богатой стране, им, Завесой, привели в руины гордый город Гоморру. Там встретилось ему кое-что, способное противодействовать и тем самым приводить в азартное настроение. Немного, но все же. Не тот сладкий и могучий хаос первых дней, но все же. Не то буйство демонических сил, как в угрюмом Тартессе, у Геракловых столбов, но все же. Здесь все так уныло и так слабо! Как сухая ломкая трава на сумеречной равнине...

Хилые воины, тупые маги, лишь тот холм в отдалении, там мрак погуще, да, погуще, это тело самоубийцы, погребенного по обряду слепых... И вдруг такая услада. Достойный пучок первозданных энергий, пребывающих в опасном смещении. Скудная душа, отпущенная Завесе, способна была испытывать радость и томиться, но всякий раз ей для этого требовались забавы и огорчения тысячекратно более грубые и сильные по сравнению с человеческими. Когда он взломал ограду и принялся сносить заводские корпуса, весь в сиянии голубых молний, весь в парах едкой химии, весь в грохоте падающих стен, душа его нежилась... Прелесть! Старый кирпич цвета венозной крови взрывался под его напором, трубы взмывали свечками и рушились на какие-то утлые вагончики, фейерверк электровспышек рассыпался чудовищным конфетти, всюду брызгали краснотой лохмотья человечины. Три тысячи лет ожидания ради четверти часа действия! Десятки веков неволи ради десятков минут праздника! Что ж, оно того стоило.

Завод «Электроприбор» перестал существовать.

Завеса прошелся по призаводью, снося гаражи, ангары, будки сторожей, и вышел на пустырь. Больше двух тысяч горожан, попавшихся ему на пути от пакгаузов до пустыря, расстались с жизнью. Экран сделал энергичный разворот. Собака трансформировалась в безмянное чудовище, знания о котором были утрачены византийцами еще в VIII столетии. Ростом оно втрое превосходило овчарку и двигалось на своих шести щупальцах намного резвее. Город напоминал к тому времени обезображенное тело, кровавый обрубок, чудом сохраняющий жизнь. Полоса разрушений, оставленная Завесой, рассекла его надвое, и теперь палач Электрозавода намеревался несколькими широкими мазками «зачистить» все то, что осталось слева и справа.

Экран уже распластал с десяток деревянных домиков частного сектора, когда путь ему преградила река. Сонная речная вода противу всех естественных приличий вздыбилась мутным зеленым барьером и быстрыми струями потекла *вверх* по экрану, роняя ряску и комья ила, понемногу всасываясь внутрь. Поглотил бы Завеса эту тихую подгороднюю речушку, да вдруг отпрянул, и вся водяная масса обрушилась в обмелевшее русло. За рекой, на возвышении, стоял полуразрушенный Спасский храм. На церковном холме не происходило никакого движения: тишь, да носится взбитая ветром пыль... Завеса постоял с минуту у самого берега, и пока он не двигался, камышины от невыносимой силы искажений скручивались в замысловатые спирали. Медленно, как бы нехотя, экран отвернул от реки. Полоса искажений исчезла.

Вскоре это древнее существо уже удалялось от города по шоссе, обозначенном на картах Подмосковья А-101.

Маньяк—маньяк-2

11 июня, утро, но уже довольно приемлемое

– Петрович, всюду маньяки! – дверь Кириллу Бойкову открыл пожилой мужчина в стареньком тренировочном костюме. Он излучал высокопробное недовольство. Подслеповато щурясь, владелец квартиры отхлебнул дымящийся кофе из алюминиевой кружки. Такие кружки во всяческих казарменных общежитиях, где нет водопровода, ставят рядом с никелированным ведром, явственно намекая: захотелось воды – зачерпни кружкой, не суй в чистое питье грязную ладошку. Очень, очень небогатая кружка. Медленное, бесстыдно растянутое отхлебывание кофе в дверях недвусмысленно сообщало: если уж нас угораздило попасть в самую гущу вторичного продукта, не стоит суетиться. Тем более неуместно мальчишество, все эти незамысловатые шуточки о маньяках... Обладатель барачной кружки по-стариковски поджал губу – как если бы к потомственному провинциальному учителю пришел подающий надежды юноша и с порога бухнул: «Как жаль, что у нас еще не завели стриптиз!» С губой, впрочем, получилось немного жалобно, поскольку она была рассечена надвое, – подобием сабельного удара, как мнилось разнообразным знакомцам... Да вот беда, для боев под Каховкой и на Перекопе пожилой мужчина выглядел все-таки избыточно юным. Хотя в целом любитель кофе не вызывал ассоциаций с чем-нибудь новым, и нераспакованным. Возможно, сказывалась высокая степень амортизации... Сутулый – чуть ли не горбатенький, хотя, кажется, не горбатенький; морщины во весь лоб; походка шарк-шарк – слышно из-за двери... Маленькие глазки, правда, приятного мечтательно-голубого колера. На шее – потемневший от времени серебряный крестик. Две черты несколько принаряжали подержанную и блеклую внешность. Во-первых, привычка носить старинные «профессорские» очки в золотенькой оправе. Во-вторых, триумфальная академическая шапка совершенно седых волос. Притом, волосы были приведены в совершеннейший порядок и лежали на голове как-то даже щегольски.

В дверях стоял светлый витязь Андрей Петрович Симонов и выглядел он как аутентично нищий профессор Московского университета.

– Доброе утро, воевода. Ты несколько преувеличиваешь. Мы имеем на сегодняшний день всего одного маньяка. Кроме того, новость о маньяке, пожалуй, самое безобидное из той обоймы неприятностей, которую мы обрели нынешней ночью.

...Кстати, лезвие, которое когда-то повредило нижнюю губу Андрея Петровича, крепилось к колесу. Царь Набу-аплу-уцур обожал применять колесницы на поле боя. А залечить отметину до полного исчезновения не удавалось, поскольку колесничные ножи были заклеты Син-намму, молодым и талантливым вавилонским магом... Он тогда ввел в военное дело много нового. За что и попал после смерти в провинцию Костежуй-III без права на службу в вооруженных силах Воздушного королевства. Ему была посвящена персональная, 1822-я статья в Конкордате 1491 года; это большая честь за большие заслуги, хотя означает она не так что бы уж очень приятную вещь: мучиться магу до самого Страшного суда, и никакой передышки в доблестных рядах королевской армии! Среди тех, кто выкрал его из храма владычицы Иштар, был невысокий иудей с рассеченной губой... Симонов сменил с тех пор множество тел, но шрам всякий раз без видимой причины возникал в день восемнадцатилетия очередного тела.

– Не скажи, Петрович. Маньяки вокруг нас, маньяки среди нас. Нет житья от маньяков. Я просыпаюсь – будильник звенит как маньяк. Жена подает кофе, сваренный по какому-то древнему маньячьему рецепту. Новости – точь-в-точь газета, где вся редакция – маньяки со стажем, а главный редактор – маньяк-душегуб. Скоро, мне кажется, заглянув в зеркало с утра, я увижу типичного маньяка.

Андрей Петрович дал Бойкову пивную кружку, до краев наполненную очень дорогим и очень хорошим кофе. Андрей Петрович был умным и сообразительным человеком. Он поглядел на Бойкова и сказал ему:

- Сунь руку в правый карман. Пожалуйста.
- Сунул.
- Что там?
- Пластиковый предмет длиной пятнадцать сантиметров, без малейшей магической ауры, цветом пегий, формой удлинённый и со множеством зубчиков... Я что-то пропустил?
- Да. Это маньяк!
- Петрович... Это расческа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.